

Анджей Сапковский

ВЕДЬМАК

Кровь эльфов

Иллюстрации Дениса Гордеева

Сапковский с иллюстрациями

Анджей Сапковский
Ведьмак. Кровь эльфов

«АСТ»

«АСТ»

1994

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

Сапковский А.

Ведьмак. Кровь эльфов / А. Сапковский — «АСТ», «АСТ»,
1994 — (Сапковский с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-095677-7

Мечи Геральта из Ривии по-прежнему остры, а на белом свете не стало меньше чудовищ, пусть далеко не все они – клыкастые монстры. И все же мир, знакомый читателям по первым двум книгам цикла, стремительно меняется. Забудьте о камерности и сказочности! На передний план выходят эпичный размах, высокая политика и... ожидание большой беды. Короли и военачальники, маги и наемники, люди и нелюди ведут сложную игру, не жалея ни себя, ни противника. И в центре этой игры – она: наследная княгиня Цинтры, воспитанница ведьмаков Каэр Морхена и чародейки Йеннифэр из Венгерберга, Предназначение Белого Волка. Дитя Старшей Крови. Льющейся все чаще крови эльфов... Сага А. Сапковского давно занимает почетное место в мировой традиции жанра фэнтези, а Геральт стал культовым персонажем не только в мире литературы, но и в универсуме компьютерных игр. Третья книга из цикла «Ведьмак» впервые выходит с иллюстрациями Дениса Гордеева, созданными специально для этого издания.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-095677-7

© Сапковский А., 1994

© АСТ, 1994

© АСТ, 1994

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анджей Сапковский Ведьмак. Кровь эльфов

Andrzej Sapkowski
Krew elfów

Печатается с разрешения автора и литературного агентства NOWA Publishers при содействии Агентства Александра Корженевского

Copyright © Andrzej Sapkowski, 1994
© Е. П. Вайсброт, наследники, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Elaine blath, Feainnewedd
Dearme aen a'caelme tedd
Eigean evelienn deireadh
Que'n esse, va en esseath
Feainnewedd, elaine blath!*

*«Цветочек».
Колыбельная песня и популярная детская считалка эльфов*

Глава первая

*Истинно, истинно говорю вам, придет век Меча и Топора, век Волчьей Пурги. Придет Час Белого Хлада и Белого Света. Час Безумия и Час Презрения, *Tedd Deireadh*. Час Конца. Мир умрет, погруженный во мрак, и возродится вместе с новым солнцем. Воспрянет он из Старшей Крови, из *Hen Ichaer*, из зерна засеянного. Зерна, кое не прорастет, не проклонется, но возгорится Пламенем.*

*Ess'tuath esse! Да будет так! Внимайте знаменьям! А каковы будут оные, глаголю вам: вначале изойдет земля кровью *Aen Seidhe*. Кровью Эльфов...*

**«*Aen Ithlannespeath*»,
пророчество *Ithlinne Aegli aep Aevenien***

Город горел.

Забитые дымом узкие улочки, ведущие ко рву, к первой террасе, полыхали жаром, языки пламени пожирали притулившиеся друг к другу соломенные крыши домов, лизали стены замка. С запада, от порттовых ворот, накатывался крик, звуки яростного боя, глухие, сотрясающие стены удары тарана.

Нападающие неожиданно окружили их, проломив баррикаду, которую защищали немногочисленные солдаты, горожане с алебардами и арбалетчики. Покрытые черными попонами кони призраками перелетали через заграждения, блестящие мечи разили отступающих защитников.

Цири почувствовала, как везущий ее на луке седла рыцарь резко осадил коня. Услышала его крик. «Держись, – кричал он. – Держись!»

Другие рыцари в цветах Цинтры опередили их, с ходу сцепились с нильфгаардцами. Цири видела это всего лишь одно мгновение, краешком глаза – бешеный водоворот сине-зеленых и черных плащей, лязг стали, удары клинков по щитам, ржание лошадей...

Крик. Нет, не крик – вой.

«Держись!»

Страх. Каждый рывок, каждый удар, каждый скачок коня до боли рвет стискивающие ремень руки. Ноги, сведенные болезненной судорогой, не находят опоры, глаза слезятся от дыма. Обхватившая ее рука душит, давит, чуть ли не ломает ребра. Вокруг нарастает крик, какого она никогда раньше не слышала. Что надо сделать с человеком, чтобы он так кричал?

Страх. Сковывающий волю, парализующий, удушающий страх.

Опять лязг железа, храп коней. Дома вокруг пляшут, исходящие огнем окна неожиданно оказываются там, где только что была забитая грязью улочка, усеянная трупами, заваленная пожитками беглецов. Рыцарь у нее за спиной вдруг заходится странным хриплым кашлем. На вцепившиеся в ремень руки хлещет кровь. Крик. Свист стрел.

Падение, болезненные удары о доспехи. Рядом бьют копыта, над головой проносится конское брюхо и разорванная сбруя, снова конское брюхо, развевающийся черный плащ, звуки ударов наподобие тех, что издает лесоруб, валящий дерево. Но это не дерево, это железо о железо. Крик, сдавленный и глухой, совсем рядом валится в грязь что-то черное и огромное, разбрызгивая кровь. Закованная в железо нога дергается, раздирает землю огромной шпорой.

Рывок. Какая-то сила подхватывает ее, затягивает на седло. «Держись!» Опять галоп. Руки и ноги отчаянно ищут опоры. Конь становится на дыбы. «Держись!» Нет опоры. Нет... Нет... Кровь. Конь падает. Нельзя отскочить, нельзя выбраться, вырваться из тисков покрытых кольчугой рук. Нельзя укрыться от крови, хлещущей на голову, на шею.

Рывок, чавканье грязи, резкий удар о землю, удивительно неподвижную после дикой скачки. Хрип и пронзительный визг коня, пытающегося поднять круп. Удары подков, мелькающие бабки и копыта. Черные плащи и попоны. Крик.

На улице огонь, ревушая красная стена огня. На ее фоне наездник, огромный, уходящий, кажется, выше пылающих крыш. Покрытый черной попоной конь пляшет, мотает головой, ржет.

Наездник смотрит на нее. Цири видит, как блестят его глаза в прорези огромного шлема, украшенного крыльями хищной птицы. Видит отблеск пожара на широком клинке меча, который тот держит в низко опущенной руке.

Наездник смотрит. Цири не может пошевелиться. Ей мешают одеревеневшие руки убитого, охватывающие ее талию. Удерживает что-то тяжелое и мокрое от крови, что лежит у нее на бедре и притискивает к земле.

И еще ей не дает двигаться страх. Чудовищный, выворачивающий все внутри страх, из-за которого Цири уже не слышит стон раненого коня, рев пожара, крики убиваемых людей и грохот барабанов. Единственное, что существует, с чем приходится считаться, что имеет значение, это страх. Страх в обличье черного рыцаря с украшенным перьями шлемом, рыцаря, застывшего на фоне кроваво-красной стены бушующего пламени.

Наездник сдерживает коня, крылья хищной птицы на его шлеме расправляются, птица устремляется в полет. Кидается на беззащитную, парализованную страхом жертву. Птица – а может, рыцарь – кричит, вопит страшно, жутко, торжествующе. Черный конь, черные доспехи, черный развевающийся плащ, а за всем этим огонь, море огня.

Страх.

Птица верещит. Крылья трепещут, перья бьют по лицу. Страх!

«На помощь! Почему мне никто не помогает? Я одинокая, я маленькая, беззащитная, я не могу пошевелиться, даже звука не могу издать перехваченным судорогой горлом. Почему никто не приходит мне на помощь?»

Я боюсь!»

Горящие в прорези огромного крылатого шлема глаза. Черный плащ заслоняет все вокруг...

– Цири!

Она просыпается вся в поту, застывшая, а ее собственный крик, крик, разбудивший ее, все еще дрожит, вибрирует где-то внутри, в груди, разрывает высохшее горло. Болят вцепившиеся в попону руки, болит спина...

– Цири, успокойся.

Кругом – ночь, темная и ветреная, монотонно и мелодично шумящая кронами сосен, поскрипывающая стволами. Уже нет ни пожара, ни крика, осталась только эта шумящая колыбельная. Рядом играет огнем и пышет теплом костер бивака, пламя вспыхивает на пряжках упряжи, горит пурпуром на рукояти меча и оковке ножен, прислоненных к лежащему на земле седлу. Нет другого огня, другого железа. Касающаяся ее щеки рука пахнет кожей и пеплом. Не кровью.

– Геральт...

– Это был всего лишь сон. Скверный сон.

Цири дрожит, сжимает руки, подбирает ноги.

Сон. Всего лишь сон.

Костер уже успел пригаснуть, березовые чурки стали красными и прозрачными, потрескивают, то и дело стреляя голубоватым пламенем. Пламя освещает белые волосы и резкий профиль мужчины, который укутывает ее попоной и накрывает колушкой.

– Геральт, я...

– Я рядом. Спи, Цири. Тебе надо отдохнуть. Нас еще ждет долгая дорога.

«Я слышу музыку, – вдруг подумала она. – В этом шуме... таится музыка. Звуки лютни. И голоса. Княжна из Цинтры... Дитя Предназначения... Дитя Старшей Крови, крови эльфов. Геральт из Ривии, Белый Волк и его Предназначение. Нет, нет, это легенда. Вымысел поэта. Ее нет. Она мертва. Ее убили на улицах города, когда она убегала...»

«Держись... Держись...»

– Геральт?

– Что, Цири?

– Что он со мной сделал? Что тогда произошло? Что он... со мной сделал?

– Кто?

– Рыцарь... Черный рыцарь с перьями на шлеме... Ничего не помню. Он кричал... и смотрел на меня. Я не помню, что случилось. Помню только, что боялась. Ужасенко боялась...

Мужчина наклонился, пламя костра заплясало в его глазах. Станных глазах. Очень странных. Когда-то Цири боялась этих глаз, не любила в них глядеть. Но это было давно. Очень давно.

– Ничего не помню, – шепнула она, ища его руку, жесткую и шершавую, как необработанное дерево. – Черный рыцарь...

– Это был сон. Спи спокойно. Это больше не повторится.

Цири уже слышала подобные заверения. Давно. Ей множество раз повторяли их, множество, множество раз успокаивали, когда она просыпалась среди ночи от собственного крика. Но теперь было иначе. Теперь она верила. Ведь теперь это говорил Геральт из Ривии, Белый Волк. Ведьмак. Тот, который был ее Предназначением. Которому она была предназначена. Ведьмак Геральт, отыскавший ее в хаосе войны, смерти и отчаяния. Геральт, который взял ее с собой и обещал никогда не расставаться.

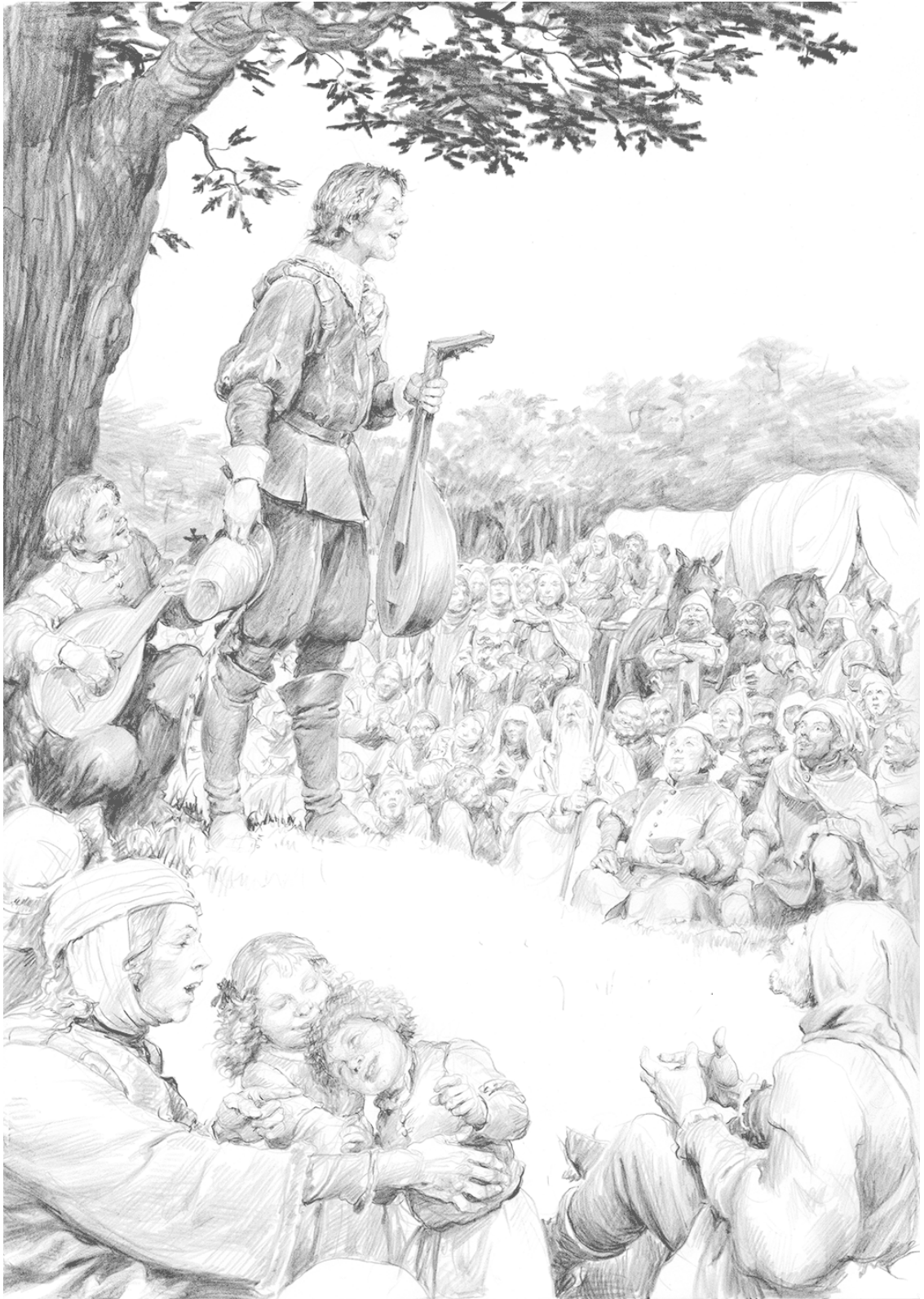
Она уснула, не отпуская его руки.

Бард кончил песнь. Слегка наклонил голову, проиграл на лютне основную мелодическую линию баллады, тонко, тихо, чуть-чуть громче, чем аккомпанирующий ему ученик.

Никто не проронил ни слова. Кроме затихающей музыки, был слышен только шум листвы и поскрипывание ветвей огромного дуба. А потом вдруг протяжно заблелоза коза, привязанная к стоящему у древнего дерева возу. Тогда, будто по сигналу, один из слушателей встал. Отбросил за спину темно-синий, изукрашенный золотом плащ, чопорно и изысканно поклонился.

– Благодарим тебя, маэстро Лютик, – проговорил он звонко, но негромко. – Да будет позволено мне, Радклиффу из Оксенфурта, магистру Магических Тайн, от всех здесь собравшихся выразить признание твоему возвышенному искусству и благодарность твоему таланту.

Чародей обвел взглядом более сотни собравшихся у основания дуба тесным полукругом, стоявших в стороне, сидевших на возах. Слушатели кивали головами, шептали. Некоторые начали хлопать, другие благодарили певца поднятием рук. Растроганные женщины шмыгали носами и вытирали глаза чем могли, в зависимости от профессии, общественного и имущественного положения: кметки – предплечьем или тыльной стороной ладони, купеческие жены – льняными тряпочками, эльфки и дворянки – батистовыми платочками, а три дочери комеса Вилиберта, который ради выступления известного всем трубадура прервал со своей свитой соколиную охоту, громко и смачно сморкались в изящные шелковые шарфики цвета пожухшей зелени.

– Не будет преувеличением, – продолжал чародей, – сказать, что ты, маэстро Лютик, растрогал нас до глубины души, заставил задуматься и воспарить, тронув наши сердца. Да будет мне дозволено, повторяю, выразить тебе наше уважение.

Трубадур встал и поклонился, обметая колени пером цапли, приколотым к фантазийной шапочке. Ученик прервал игру, заулыбался и тоже поклонился, но маэстро Лютик грозно гля-

нул на него и что-то буркнул вполголоса. Паренек опустил голову и снова принялся тихо брнчать на струнах лютни.

Собравшиеся оживились. Купцы из каравана, пошептавшись, выкатили к дубу солидный бочонок пива. Чародей Радклифф погрузился в тихую беседу с комесом Вилибертом. Дочери комеса перестали сморкаться и влюбленно таращились на Лютика. Бард не замечал их взглядов, поскольку полностью был поглощен тем, что раздаривал улыбки, подмигивал и демонстрировал блеск зубов гордо молчавшей группе странствующих эльфов, в особенности же одной из эльфов, темноволосой и глазастой красавице в маленьком горностаевом токе. Не обошлось и без конкурентов – обладательницу огромных глаз и прелестного тока заприметили и тоже ласкали взглядами его слушатели – рыцари, жаки и ваганты. Эльфа, явно польщенная вниманием, пощипывала кружевные манжетки блузки и трепетала ресницами, но эльфы из ее группы плотно окружали ее, не скрывая неприязни к потенциальным волокитам.

Поляна у дуба Блеобхериса, место частых встреч, вече, стоянок путешествующих и странствующих, славилась терпимостью и открытостью. Опекающие гигантское дерево друиды именовали поляну Местом Дружбы и охотно привечали здесь любого желающего. Но даже при таких исключительных событиях, как только что закончившееся выступление всесветно известного трубадура, путники держались обособленными группками. Эльфы кучковались с эльфами. Ремесленники-краснолюды тяготели к вооруженным до зубов побратимам, нанятым в качестве охраны купеческого каравана, и терпели рядом с собой разве что горняков-гномов да фермеров-низушков. Все нелюди вели себя сдержанно по отношению к людям. Люди платили нелюдям той же монетой, но и среди них тоже не заметно было особого единения. Знать с презрением поглядывала на купцов и лоточников, а солдаты и кнехты сторонились пастухов в духовитых кожах. Немногочисленные чародеи и их ученики полностью обособлялись, всех вокруг справедливо считая грубиянами. Фон же образовывала плотная, темная, угрюмо молчавшая толпа кметов. Эти, лесом вздымающихся над головами граблей, вил и цепов напоминающая армию, игнорировали все и вся.

Исключением, как обычно, были дети. Покончив с необходимостью соблюдать тишину во время выступления барда, ребятня с дикими визгами и криками помчалась в лес, чтобы там целиком отдаться играм, правила которых были совершенно непонятны тем, кто уже успел распрощаться с розовыми годами детства. Маленькие человечки, эльфички, краснолюдки, низушки, гномы, полуэльфы, четвертьэльфы и малышня загадочного происхождения не знали и не признавали ни расовых, ни социальных различий. Пока что.

– Действительно! – выкрикнул один из находящихся на поляне рыцарей, худой как жердь дылда в красно-черном суконном кафтане, украшенном тремя шагающими на задних лапах львами. – Господин чародей прекрасно сказал! Это были прелестные баллады, милсдарь Лютик, клянусь честью. Ежели когда-нибудь вам доведется побывать вблизи Лысорога, владений моего сеньора, загляните, не задумываясь ни на миг. Угостим по-княжески, да что там, прям-таки по-королевски, не хуже короля Визимира! Клянусь мечом, слыхивал я множество менестрелей, только куда им до вас, маэстро. Примите от нас, высокородных и посвященных в рыцари, уважение и почтение вашему искусству!

Безошибочно учуяв соответствующий момент, трубадур подмигнул ученику, тот отложил лютню и поднял с земли шкатулочку, служившую для сбора более существенных выражений признательности. Поколебавшись, он повел глазами по толпе, потом отложил шкатулку и поднял стоявшее рядом средних размеров ведерко. Маэстро Лютик ласковой ухмылкой одобрил сообразительность паренька.

– Маэстро! – воскликнула дородная женщина, сидевшая на загруженном изделиями из ивовых прутьев возу с надписью «ВЭРА ЛЁВЕНХАУПТ И СЫНОВЬЯ». Впрочем, сыновей не было видно, похоже, они занимались тем, что активно транжирили нажитое мамашей состоя-

ние. – Маэстро Лютик, ну как же ж так? Вы оставляете нас в неведении! Ведь же ж не конец баллады? Пропойте-ка, что было дале-то?

– Песни и баллады, – поклонился артист, – никогда не оканчиваются, милсдарыня, ибо поэзия вечна и бессмертна, ей не ведомы ни начала, ни концы...

– Но что было дале-то? – не сдавалась торговка, щедро и звонко сыпанув монеты в ведерко, подставленное учеником. – Скажите хотя б, ежели нет охоты петь. В ваших песнях вовсе не было имен, но мы же ж знаем, что воспеваемый вами ведьмак – не кто иной, как известный всем Геральт из Ривии, а чародейка, которая распалила в его грудях любовный, как вы поете, жар, это не менее известная Йеннифэр. Что же до Неожиданного Дитяти, обещанного и предназначенного ведьмаку, так это же ж Цирилла, несчастная княжна из разрушенной напастниками Цинтры. Разве ж нет?

Лютик гордо и таинственно улыбнулся.

– Я пою о проблемах универсальных, благородная благодетельница. Об эмоциях, кои могут быть уделом любого и каждого. Не о конкретных лицах.

– Как же! – крикнул кто-то из толпы. – Всем ведомо, что в песенках говорилось о ведьмаке Геральте!

– Да, да! – хором пискнули доченьки комеса Вилиберта, отжимая мокрые от слез шарфики. – Спойте еще, маэстро Лютик! Как там было дальше? Встретились ли наконец ведьмак и чародейка Йеннифэр? И любили ли друг друга? А были ли счастливы? Мы желаем знать! Маэстро, ну маэстро же!

– Эй, вы там! – гортанно крикнул вожак группы краснолюдов, тряся могучей, до пояса, рыжей бородой. – Дерьмо это, все ваши княженки, чародейки, предназначения, любовь и прочие бабские бредни! Потому как все это, с вашего, господин поэт, позволения, враки, то бишь поэтский вымысел для того, чтобы поскладней было слезу выжимать. А вот военные дела, навроде резни и грабежа в Цинтре аль битвы под Марнадалем и Содденом, энти вы нам знаменито пропели, Лютик! Да, не жаль серебришком потряхнуть за такую песню, сердце воина порадовавшую! И видать было, что не привираете ничуть, это говорю я, Шелдон Скаггс, а я лжу от правды отличить умею, потому как я под Содденом был и супротив напастников нильфгардских стоял там с топором в руке...

– Я, Донимир из Тройи, – крикнул тощий рыцарь с тремя львами на кафтане, – был в обеих битвах за Содден, да что-то вас там не видел, господин краснолюд!

– Потому как не иначе обозы стерегли! – ответил Шелдон Скаггс. – А я стоял на первой линии, там, где горячше всего было!

– Думай, о чем говоришь, бородач! – пошел пурпурными пятнами Донимир из Тройи, подтягивая отягощенный мечом рыцарский пояс. – И с кем!

– Сам-то думай! – Краснолюд хватил рукой по заткнутому за пояс топору, повернулся к своим дружкам и ощерился. – Видали его? Рыцарь поиметый! А еще герб нацепил! Три льва на щите! Два пердят, а третий вонь пускает!

– Мир! Мир! – Седовласый друид в белом одеянии властным голосом упредил готовую было вспыхнуть ссору. – Не дело, милсдари. Не дело. Только не здесь, не под кроной Блеобхериса, дуба, пережившего все споры и свары этого мира! И не в присутствии поэта Лютика, баллады коего должны учить нас любви, а не пререканиям!

– Верно! – поддержал друида невысокий полный монах с блестящим от пота лицом. – Смотрите, а глаза не видят, слушаете, а уши ваши глухи. Любви божеской нету в вас, ибо вы – аки бочки порожние...

– Коли уж о бочках речь, – запищал длинноносый гном с воза, украшенного надписью «СКОБЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ. ИЗГОТОВЛЕНИЕ И СБЫТ», – то выкатите еще одну, господа цеховые! У поэта Лютика, надо думать, в горле першит, да и нам супротив возбуждения не худо б!

– Воистину аки бочки порожные, говорю вам! – заглушил гнома монах, не давая сбить себя с панталыку и прервать проповедь. – Ничего-то вы из Лютиковых баллад не уразумели, ничему не научились. Не поняли, что баллады сии о судьбах человеческих вещали, о том, что мы всего лишь игрушки в руках богов, а края наши – поля игрищ богов. Баллады о Предназначении говорили, о предназначении всех нас, а легенда о ведьмаке Геральте и княжне Цирилле, хоть и нарисованная на фоне недавней войны, всего лишь метафора, творение вымысла поэтического, койи тому должен был служить, дабы мы...

– Болтаешь, святой муж! – крикнула с высоты своего воза Вэра Лёвенхаупт. – Какая такая легенда? Какое еще творение вымысла? Уж кто-кто, а я Геральта из Ривии знаю, видела что ни на есть своими собственными глазами в Вызиме, где он дочку короля Фольтеста расколдовал. А потом и еще встречала на Купецком тракте, где он по просьбе Гильдии забил свирепого грифа, что на караваны нападал, и тем своим деянием многим жизнь охранил. Нет, не легенда это и не сказки. Правду, истинную правду пропел нам здесь маэстро Лютик.

– Подтверждаю, – проговорила стройная воительница с гладко зачесанными назад и заплетенными в толстую косу волосами. – Я, Райла из Лирии, также знаю Геральта Белого Волка, известного истребителя чудовищ. Видала я также не раз и не два чародейку Йеннифэр, бываючи в Аэдирне, в городе Венгерберге, где у нее жилье. Однако, что эти двое любят друг друга, не знала.

– Но это обязано быть правдой, – заметила вдруг мелодичным голосом прекрасная эльфка в горностаевом токе. – Столь прелестная баллада о любви не могла быть неправдой.

– Не могла! – поддержали эльфку дочери комеса Вилиберта и как по команде промокнули глаза шарфиками. – Ни в коем случае не могла!

– Милсдарь волшебник! – обратилась к Радклиффу Вэра Лёвенхаупт. – Любили они или нет? Вы-то уж наверняка знаете, как было в натуре у ведьмака с этой Йеннифэр. Приоткройте нам тайну!

– Если песнь утверждает, что любили, – улыбнулся чародей, – значит, так оно и было, и любовь эта проживет столетия. Такова сила поэзии.

– Говорят, – неожиданно вступил комес Вилиберт, – Йеннифэр из Венгерберга погибла на Содденском Холме. Там сложили головы несколько чародеек...

– Неправда ваша, – сказал Донимир из Тройи. – Нету на стеле ее имени. Это мои края, я не раз бывал на Холме и читал выбитые на памятнике имена. Три чародейки там погибли: Трисс Меригольд, Литта Нейд по прозвищу Коралл... Хм... Имя третьей запамятовал...

Рыцарь глянул на чародея Радклиффа, но тот только улыбнулся, не произнеся ни слова.

– Ведьмак, – неожиданно крикнул Шелдон Скаггс, – тот Геральт, Йеннифэров полюбownik, так уж он навроде бы в земле гниет. Слышал я, прибили его где-то в Заречье. Убивал он чудовищ, убивал, да наконец нашла коса на камень. Так уж оно повелось, людишки, кто мечом воюет, от меча и гибнет. Каждому когда-нито да встретится кто получше, и – железяка в бок!

– Не верю. – Стройная воительница скривила бледные губы, зло сплюнула на землю, с хрустом скрестила на груди покрытые кольчужной сеткой руки. – Не верю, чтобы Геральт из Ривии мог встретить кого-то совершеннее себя. Мне довелось видеть, как ведьмак владеет мечом. Он прямо-таки нечеловечески быстр...

– Хорошо сказано, – заметил чародей Радклифф. – Нечеловечески. Ведьмаки – мутанты, поэтому скорость их реакций...

– Не понимаю, о чем вы, милсдарь магик. – Воительница еще презрительнее скривила рот. – Чересчур уж учены ваши слова. Я знаю одно: ни один фехтовальщик из тех, кто мне знаком, не сравнится с Геральтом из Ривии, Белым Волком. Поэтому и не верю, чтобы его победили в бою, как пытается нас убедить господин краснолюд.

– Фехтовальщик сразу срать, как врагов увидит рать, – громыхнул Шелдон Скаггс. – Так говорят эльфы.

– Эльфы, – холодно заметил высокий светловолосый представитель Старшего Народа, стоящий рядом с прелестным горностаевым током, – не привыкли так грубо выражаться.

– Нет, нет! – запищали из-за зеленых шарфиков дочка комеса Вилиберта. – Ведьмак Геральт не мог погибнуть! Ведьмак нашел предназначенную ему Цири, а потом чародейку Йеннифэр, и все трое жили долго и счастливо. Правда, маэстро Лютик?

– Так то ж баллада была, мазели, – зевнул жаждущий пива гном, изготовитель скобяных изделий. – Кто ж в балладе правды ищет? Правда – одно, а поэзия – другое. Возьмем хотя бы эту... как ее там, Цирию. Знаменитую Неожиданность. Ее-то господин поэт уж и вовсе из пальца высосал. Как же, бывал я в Цинтре не раз и знаю, что тамошний король и королева в бездетстве жили, ни дочки, ни сына у них не было...

– Ложь! – крикнул рыжий мужчина в курточке из тюленьей шкуры, лоб которого был перехвачен клетчатым платком. – У королевы Калантэ, Львицы из Цинтры, была дочь Паветта. Они с мужем сгнули во время морской бури, пучина морская их поглотила. Обоих.

– Ну вот, сами видите, что не вру! – призвали всех в свидетели скобяные изделия. – Паветтой, а не Цирей звали принцессу Цинтры-то.

– Цирилла, кою звали Цири, была как раз дочкой утонувшей Паветты, – пояснил рыжий. – Внучкой Калантэ. И не принцесса она была, а княжна Цинтры. Она-то и была предназначенным ведьмаку Ребенком-Неожиданностью, ее-то, еще до того, как она родилась, королева пообещала отдать ведьмаку, как пел маэстро Лютик. Но ведьмак не мог ее отыскать и забрать, вот тут уж господин поэт разминулся с истиной.

– Разминулся, а как же, – вклинился в разговор жилистый юноша, который, судя по одежде, мог быть подмастерьем, готовящимся к сдаче экзамена на мастера. – Ведьмак разминулся со своим Предназначением. Цирилла погибла при осаде Цинтры. Королева Калантэ сначала собственноручно убила княжну, чтобы та живой не досталась нильфгаардцам, а уж потом бросилась с башни.

– Не так все было, и вовсе не так, – запротестовал рыжий. – Княжну убили во время резни, когда она пыталась убежать из города.

– Так или иначе, – крикнули скобяные изделия, – ведьмак не нашел своей Цириллы! Поэт солгал!

– Но солгал красиво, – сказала эльфка в токе, ластясь к высокому эльфу.

– Дело не в поэзии, а в фактах! – воскликнул подмастерье. – Я говорю, что княжна погибла от руки своей бабки. Каждый, кто был в Цинтре, может это подтвердить!

– А я повторяю: ее убили на улицах, когда она бежала, – упорствовал рыжий. – Я знаю, хоть сам и не из Цинтры. Я был в дружине скеллигского ярла, который поддерживал Цинтру во время войны. Король Цинтры, Эйст Турсеах, родом, как известно, с Островов Скеллиге, а ярлу доводился дядькой. А я в ярловой дружине дрался в Марнадале и в Цинтре, а потом, после поражения, под Содденом...

– Еще один ветеран, – буркнул Шелдон Скаггс собравшимся вокруг него краснолюдам. – Сплошь герои да воины. Эй, людишки! Среди вас есть хоть один, кто б не воевал в Марнадале или под Содденом?

– Напрасно ерничаешь, Скаггс, – осуждающе проговорил высокий эльф, обнимая красотку в токе так, что у других соискателей не оставалось никаких сомнений относительно дальнейшего развития событий. – Я, к примеру, тоже участвовал в той битве.

– Интересно знать, на чьей стороне, – довольно громко шепнул Вилиберт Радклиффу.

– Известно, – продолжал эльф, даже не взглянув на комеса и чародея, – больше ста тысяч бойцов стояло в поле во второй битве за Содден, из них не меньше тридцати тысяч полегли или были покалечены. Следует поблагодарить маэстро Лютика за то, что в одной из баллад он увековечил этот великий, но страшный бой. И в словах, и в мелодии его песни я слышал не похвальбу, но предупреждение. Повторяю, хвала и вечная слава вашему поэту за балладу. Она,

быть может, позволит в будущем избежать повторения трагедии, которой была эта жестокая и ненужная война.

– Воистину, – сказал комес Вилиберт, с вызовом глядя на эльфа. – Любопытные штучки вы отыскиали в балладе, любезнейший. Ненужная война, говорите? Хотели бы избежать трагедии в будущем? Следует понимать, что ежели бы нильфгаардцы ударили по нам заново, вы посоветовали бы капитулировать? Покорно принять нильфгаардский хомут на шею?

– Жизнь – бесценный дар, и ее надлежит хранить, – холодно сказал эльф. – Ничто не оправдывает резни и гекатомб, каковыми были обе битвы за Содден, и проигранная, и выигранная. Обе стоили вам, людям, тысяч жизней. Вы утратили свой гигантский потенциал...

– Эльфова болтовня, – взорвался Шелдон Скагс. – Глупый треп. Эту цену надо было заплатить, чтобы другие могли жить достойно, в мире. И не позволили Нильфгаарду заковать себя в колодки, ослепить, загнать в северные рудники и соляные копи. Те, что полегли смертью героев и теперь благодаря Лютику будут вечно жить в нашей памяти, научили нас, как защищать собственный дом. Пой свои баллады, Лютик, пой их всем. Не впустую урок, а пойдет он нам на пользу, вот увидите! Потому как не сегодня-завтра нильфгаардцы ринутся на нас снова. Вот очухаются, залижут раны, и мы снова увидим их черные плащи и перья на шлемах! Попомните мои слова!

– Чего они от нас хотят? – вздохнула Вэра Лёвенхаупт. – Что они на нас лезут? Почему не оставят нас в покое, не дадут жить и работать? Чего они хотят, эти нильфгаардцы?

– Нашей крови! – рявкнул комес Вилиберт.

– Нашей земли! – взвыл кто-то из толпы кметов.

– наших баб! – подхватил Шелдон Скагс, грозно вылупив глаза.

Некоторые из слушателей засмеялись, но тихо и украдкой. Потому что хоть и очень уж забавным было предположение, будто кто-нибудь еще, кроме краснолюдов, мог польститься на исключительно непривлекательных краснолюдов, тема была далеко не безопасной для ехидства и шуток, особенно в присутствии невысоких, кряжистых и бородатых типов, топоры и палаши которых отличались малоприятным свойством мгновенно выскакивать из-за поясов. А краснолюды по неведомым причинам свято верили в то, что весь мир только того и ждет, как бы прихватить их жен и дочерей, и в этом смысле были невероятно возбудимы и обидчивы.

– Когда-то это должно было случиться, – заговорил вдруг седой друид. – Произойти. Мы забыли, что не одни живем на свете, что мы – не пуп этого мира. Словно глупые, обожравшиеся, ленивые карасы в затянутом тиной пруду, мы не верили в существование щук. Мы допустили, чтобы наш мир, как этот пруд, заилился, заболотился и провонял. Посмотрите вокруг – повсюду преступность и грех, алчность, погоня за прибылью, скандалы, несогласие, падение нравов, потеря уважения ко всем ценностям. Вместо того чтобы жить, как того требует Природа, мы принялись эту Природу уничтожать. И что имеем? Воздух заражен смрадом железоплавильных печей, курных изб, реки и ручьи отравлены отходами скотобоен и кожевенных мастерских, леса бездумно вырубаются... Даже на живой коре священного Блеобхериса, только взгляните, там, над головой поэта, вырезано бранное слово. Да еще и с ошибкой. Мало того что безобразничал вандал, так вдобавок и неуч, не умеющий писать. Чему же удивляться? Это не могло кончиться добром...

– Да, да! – подхватил толстый монах. – Опамятуйтесь, грешники, пока есть время, ибо гнев и кара божия висят над вами! Не забывайте ворожбы Итлины, ее пророческих слов о каре богов, коя падет на племя, отравленное преступлениями! Помните: «Придет Час Презрения, древо сбросит листву, почки завянут, сгниют плоды и прогоркнет зерно, а долины рек вместо воды покроются льдом! И грядет Белый Хлад, а за ним Белый Свет, и мир умрет в пурге». Так говорит вещая Итлина! И прежде чем сие случится, явятся знамения и падут несчастья, ибо знайте, Нильфгаард – это кара божия! Это бич, коим Бессмертные исхлещут вас, грешники, дабы...

– И-эх, заткнитесь, святейший! – рыкнул Шелдон Скаггс, топнув тяжеленным башмаком. – Тошнит от ваших забобонов и вздора! Кишки выворачивает...

– Осторожнее, Шелдон, – усмехнулся высокий эльф. – Не измывайтесь над чужой религией. Это и нехорошо, и неприлично, и... небезопасно.

– Ни над чем я не измываюсь, – возразил краснолюд. – Я не сомневаюсь в существовании божеств, но меня возмущает, когда кто-нибудь вмешивает их в земные дела и дурит всех предсказаниями какой-то эльфьей идиотки. Нильфгаардцы – орудия богов? Чушь собачья! Обратитесь, люди, памятью ко временам Дезмода, Радовида, Самбука, ко временам Абрада Старого Дуба! Вы их не помните, потому как живете кратенько, навроде майской однодневки, но я-то помню и скажу вам, как было здесь, на этих землях, сразу после того как вы вылезли из ваших лодок на пляжи в устье Яруги и в дельте Понтара. Из четырех причаливших кораблей получилось три королевства, а потом те, кто посильнее, заглotalи слабых и таким путем росли, укрепляли свою власть. Подчиняли себе других, поглощали их, и королевства раздувались, становились все больше и сильнее. А теперь то же самое делает Нильфгаард, потому что это сильная и сплоченная, дисциплинированная и крепкая страна. И если вы не сплотитесь так же, то Нильфгаард заглотит вас, будто щука карася, как выразился вон тот мудрый друид!

– Пусть только попробуют! – Донимир из Тройи выпятил украшенную тремя львами грудь и скрипнул мечом в ножнах. – Мы выдали им на орехи под Содденом, можем повторить.

– Уж больно вы заносчивы! – буркнул Шелдон Скаггс. – Видать, забыли, уважаемый, что, прежде чем дело дошло до второй битвы под Содденом, Нильфгаард прошелся по вашим землям словно железный каток, а трупами таких, как вы, любителей похвалиться устлал поля от Марнадаля до Заречья. И остановили нильфгаардцев вовсе не вам подобные крикливые бахвалы, а соединенные силы Темерии, Редании, Аэдирна и Каэдвена. Согласие и единение – вот что их остановило!

– Не только! – бросил звучно, но очень холодно Радклифф. – Не только это, господин Скаггс.

Краснолюд громко откашлялся, высморкался, шаркнул башмаками, затем слегка поклонился чародею.

– Никто не отымает заслуг у вашей братии. Позор тому, кто не признает геройства чародеев с Содденского Холма, потому как они здорово сопротивлялись, пролили за общее дело кровь, сыграли решающую роль в победе. Не забыл о них Лютик в своей балладе, и мы тоже не забудем. Но учтите, что те чародеи, которые объединились и плечом к плечу стояли на Холме, признали верховенство Вильгефорца из Роггевеена, как и мы, бойцы Четырех Королевств, признали командование Визимира Реданского. Жаль токмо, что лишь на время войны достало у нас согласия. Потому как ныне, в мире, снова мы разделились, Визимир с Фольтестом душат друг друга пошлинами и правом торга, Демавенд из Аэдирна грызется с Хенсельтом из-за Северной Мархии, а Лиге из Хенгфорса и Тиссенидам из Ковира все это, как говорится, до свечки. Да и меж чародеев, я слышал, нет давнего согласия. Нету меж вами сплоченности, нету дисциплинированности, нету единения. А у Нильфгаарда есть!

– Нильфгаардом правит император Эмгыр вар Эмрейс, тиран и самодержец, принуждающий к послушанию кнутом, шибеницей и топором! – загрохотал комес Вилиберт. – И что же вы нам предлагаете, господин краснолюд? Во что же это нам надобно объединиться? В такую же тиранию? И который же король, которое королевство должно бы, по вашему разумению, подчинить себе остальных? В чьей руке вам хотелось бы видеть скипетр и кнут?

– А мне-то что? – пожал плечами Скаггс. – Ваше, людское дело. Впрочем, краснолюда вы королем не изберете. Это уж точно.

– И ни эльфа, ни даже полуэльфа, – добавил высокий представитель Старшего Народа, продолжая обнимать красотку в токе. – Даже четвертьэльф идет у вас самым низшим сортом...

– Эва как вас заело, – рассмеялся Вилиберт. – В ту же дуду дуετε, что и Нильфгаард, потому что Нильфгаард тоже кричит о равенстве, обещает вам возвращение к давним порядкам, как только нас подомнет под себя и с этих земель выкинет. Этакое единение, этакое равенство вам мнится, о таком вы болтаете, такое проповедуете? Потому как Нильфгаард вам за это золотом платит! И неудивительно, что вы так с ними лобызаетесь, ведь они же эльфья раса, эти ваши нильфгаардцы...

– Чепуха, – холодно сказал эльф. – Глупости, милдарь рыцарь. Расизм вам явно глаза затуманил. Нильфгаардцы такие же люди, как и вы.

– Наглая ложь! Все знают: это потомки Черных Сеидхе! В их жилах течет эльфья кровь. Кровь эльфов.

– А в ваших жилах что течет? – насмешливо улыбнулся эльф. – Мы из поколения в поколение смешиваем нашу кровь, из столетия в столетие, мы и вы, и получается это прекрасно, не знаю только, к счастью или наоборот. Смешанные браки вы начали осуждать четверть века назад, кстати сказать, с жалкими результатами. Ну покажите-ка мне сейчас человека без примеси Seidhe Ichaer, крови Старшего Народа.

Вилиберт заметно покраснел. Покраснела также Вэра Лёвенхаупт. Наклонил голову и закашлялся чародей Радклифф. Что интересно, зарумянилась даже прекрасная эльфка в горностаевом токе.

– Все мы – дети Матери Земли, – раздался в тишине голос седовласого друида. – Дети Матери Природы. И хоть не чтим мы ее, хоть порой доставляем ей огорчения и боль, хоть разрываем ей сердце, она любит нас, любит нас всех. Не забывайте об этом вы, собравшиеся здесь, в Месте Дружбы. И к чему выяснять, кто из нас был здесь первым, ибо первым был выброшенный волной на берег Желудь, а из Желудя возрос Великий Блеобхерис, самый древний из дубов. Стоя под ветвями Блеобхериса, меж его извечных корней, не следует забывать о наших собственных, братских корнях, о земле, из коей корни эти вырастают. Будем помнить о словах песни поэта Лютика...

– Кстати! – крикнула Вэра Лёвенхаупт. – А где же он?

– Смылся, – констатировал Шелдон Скаггс, взирая на пустое место под дубом. – Загребастал денежки и смылся, не попрощавшись. Воистину по-эльфьему!

– По-краснолюдски! – пропищали скобяные изделия.

– По-человечьи, – поправил высокий эльф, а красотка в токе прислонилась головкой к его плечу.

– Эй, музыкант, – бросила бордель-маман Лянтиери, без стука вступая в комнату и распространяя вокруг аромат гиацинта, запах пота, пива и копченой грудинки. – К тебе посетитель. А ну, кыш отсюда, благородные дамы.

Лютик поправил волосы, раскинулся в огромном резном кресле. Две сидевшие у него на коленях «благородные дамы» быстренько спрыгнули, прикрыли прелести, натянули просторные рубашки. «“Девичья застенчивость”, – подумал поэт, – вот шикарное название для баллады». Он встал, застегнул пояс и, увидев стоящего на пороге дворянина, надел суконную куртку, бросив при этом:

– Воистину, никуда от вас не денешься, всюду вы меня отыщете, хотя редко выбираете для этого подходящее время. На ваше счастье, я еще не решил, которую из двух красоток предпочту. А оставить себе обеих при твоих-то ценах, Лянтиери, не могу.

Маман Лянтиери с пониманием усмехнулась, хлопнула в ладоши. Обе девицы – белокожая, веснушчатая островитянка и темноволосая полуэльфка – спешно покинули комнату. Стоящий на пороге мужчина скинул плащ и вручил его маман вместе с небольшим, но пузатеньким мешочком.

– Простите, маэстро, – сказал он, подходя и присаживаясь к столу. – Знаю, что побеспокоил вас не вовремя. Но вы так скоропалительно исчезли из-под дуба... Я не догнал вас на большаке, как думал, и не сразу напал на ваш след в городке. Поверьте, я не отниму у вас много времени...

– Все так говорят, а оборачивается иначе, – прервал бард. – Оставь нас одних, Лянтиери, да посмотри, чтоб нам не мешали. Слушаю вас, уважаемый.

Мужчина изучающе взглянул на Лютика. У него были темные, влажные, как бы слезящиеся глаза, острый нос и некрасивые тонкие губы.

– Без проволочек приступаю к делу, – бросил он, переждав, пока за хозяйкой борделя прикроется дверь. – Меня интересуют ваши баллады, маэстро. Точнее говоря, определенные личности, о которых вы поете. Меня занимают истинные судьбы героев ваших баллад. Ведь, если не ошибаюсь, именно истинные-то судьбы реальных героев подвинули вас на создание прелестных произведений, которые мне довелось выслушать под дубом. Я говорю... о малютке Цирилле из Цинтры. Внучке королевы Калантэ.

Лютик глянул в потолок, забарабанил пальцами по столу.

– Милостивый государь, – сказал он сухо. – Странные, однако, у вас интересы. И вопросы тоже. Что-то мне сдается, вы не тот, за кого я вас принял.

– И за кого же вы меня приняли, можно узнать?

– Не знаю, можно ли. Все зависит от того, передадите ли вы мне приветы от наших общих знакомых. Следовало бы сделать это в самом начале, да вы, видно, позабыли.

– Отнюдь. – Мужчина сунул руку за полу бархатного кафтана цвета сепии, извлек второй мешочек, побольше того, который вручил бордель-маман, не менее пузатый и столь же призывно звякнувший при соприкосновении со столешницей. – Просто у нас нет общих знакомых, маэстро Лютик. Но неужто этот мешочек не в состоянии заполнить пробел?

– И что ж вы намерены купить за этакий тощенький кошелек? – надул губы трубадур. – Весь бордель-маман Лянтиери и окружающую его территорию?

– Допустим, хотел бы материально поддержать искусство. И артиста. Для того чтобы поболтать с артистом о его творчестве.

– Вы так сильно почитаете искусство, друг мой? Горите таким желанием побеседовать с артистом, что пытаетесь всучить ему деньги, еще не успев представиться, нарушив тем самым элементарные нормы приличия? И вежливости?

– В начале разговора, – незнакомец слегка прищурился, – вам не мешало мое инкогнито.

– Теперь начало мешать.

– Я не стыжусь своего имени, – с едва заметной усмешкой на тонких губах проговорил мужчина. – Меня зовут Риенс. Вы меня не знаете, маэстро, и неудивительно. Вы слишком известны и знамениты, чтобы знать всех своих почитателей. А вот любому почитателю вашего таланта мнится, будто он знает вас так близко, что определенная доверительность как бы вполне допустима. Ко мне это относится в полной мере. Я понимаю, сколь ошибочно такое мнение, и прошу простить великодушно.

– Великодушно прощаю.

– Стало быть, можно надеяться услышать от вас ответы на два-три вопроса...

– Нет, не можно, – насупившись, прервал поэт. – Теперь уж извольте вы простить великодушно, но я не люблю обсуждать свои произведения, вдохновение, а также особ как фиктивных, так и иных. Ибо такие обсуждения лишают произведения их поэтического флера и ведут к тривиальности...

– Неужто?

– Определенно. Ну подумайте, что будет, если я, спев, к примеру, балладу о веселой мельничихе, сообщу, что вообще-то в песне говорится о Звирке, жене мельника Пескаря, и все это дополню указанием на то, что Звирку можно, простите, свободно трахать по четвергам,

поскольку именно в эти дни мельник ездит на ярмарку. Но ведь тогда это будет уже никакая не поэзия, а типичное сводничество либо злостная клевета.

– Понимаю, понимаю, – быстро бросил Риенс. – Но мне кажется, пример неудачен. Меня ведь не интересуют чьи-то шалости или грешки. Вы никого не оклеветаете, ответив на мои вопросы. Мне просто любопытно было бы узнать, что в действительности случилось с Цириллой, княжной Цинтры. Некоторые утверждают, будто Цирилла погибла при захвате города нильфгаардцами и что даже есть очевидцы. Из вашей баллады, однако же, можно сделать вывод, что ребенок выжил. Меня искренне интересует, что это – ваше воображение или же реальный факт? Правда или ложь?

– Меня не менее интересует ваше любопытство, – широко улыбнулся Лютик. – Вы обсмеетесь, милсдарь, забыл ваше имечко, но именно это-то мне и было надо, когда я придумывал свою балладу. Я хотел взволновать слушателей и пробудить их любопытство.

– Правда или ложь? – холодно повторил Риенс.

– Раскрыв это, я свел бы на нет эффект своего труда. Прощайте, друг мой. Вы использовали все время, какое только я мог вам посвятить. А там две мои вдохновительницы томятся в неведении, гадая, которую из них я выберу.

Риенс долго молчал, вовсе не собираясь уходить. Глядел на поэта неприязненным влажным взглядом, а поэт ощущал вздымающееся беспокойство. Снизу, из общей залы борделя, доносился веселый гул, сквозь который время от времени пробивался высокий женский хохоток. Лютик отвернулся, как бы демонстрируя презрительное превосходство, в действительности же просто оценивал расстояние до угла комнаты и гобелена, изображающего нимфу, орошающую себе соски водой из кувшина.

– Лютик, – наконец проговорил Риенс, сунув руку в карман кафтана цвета сепии. – Ответь на мой вопрос, убедительно прошу. Мне необходимо знать ответ. Это невероятно важно для меня. И поверь, для тебя тоже, потому что если ответишь мне по-доброму, то...

– Что «то»?

На тонкие губы Риенса заползла паршивенькая ухмылочка.

– То мне не придется принуждать тебя говорить.

– Слушай, ты, шалопут... – Лютик встал и притворился, что злится. – Я не терплю грубости и насилия. Но сейчас я кликну маман Лянтиери, а уж она вызовет некоего Грузилу, который выполняет в этом заведении почетную и ответственную функцию вышибалы. Это настоящий артист, мастер своего дела. Он даст тебе под зад, и ты тут же пролетишь над крышами здешнего городишки, да так прытко и красиво, что немногочисленные в эту пору прохожие примут тебя за Пегаса.

Риенс сделал короткое движение, в его руке что-то сверкнуло.

– Ты уверен, что успеешь кликнуть? – спросил он.

Лютик не намеревался проверять, успеет ли. Ждать он тоже не собирался. Еще прежде чем изящный пружинный кинжал оказался в руке Риенса, он мгновенно прыгнул в угол комнаты, нырнул под гобелен с нимфой, пинком отворил потайную дверцу и стремительно ринулся вниз по винтовой лестнице, ловко скользя по отполированным поручням. Риенс кинулся следом, но поэт знал свое дело – он изучил потайной ход до мелочей, не раз пользовался им, сбегая от кредиторов, ревнивых мужей и быстрых на мордобой конкурентов, у которых, было дело, слямзивал рифмы и мелодии. Он знал, что на третьем повороте будет вращающаяся дверца, за ней лесенка, ведущая в подвал, и был убежден, что преследователь, как и многие до него, не успеет притормозить, промчится дальше, ступит на прикрытый качающейся крышкой провал и тут же свалится в хлев. И конечно, был уверен, что покрытый синяками, измазюканный навозом и побитый свиньями преследователь откажется от погони.

Лютик ошибался, как всегда, когда был в чем-либо уверен. У него за спиной что-то вдруг польхнуло голубым, и поэт почувствовал, что конечности сводит судорога, они немеют и перестают сгибаться. Он не сумел притормозить перед вращающейся дверцей, ноги отказались слушаться. Он вскрикнул и покатился по ступеням, ударяясь о стены коридорчика. Крышка опустилась под ним с сухим скрипом, трубадур рухнул вниз, во тьму и смрад. Еще прежде

чем ударился о твердый пол и потерял сознание, вспомнил, что маман Лянтиери упоминала о ремонте хлева.

Пришел он в себя от боли в связанных веревкой кистях рук и предплечьях, жестоко выкручиваемых в суставах. Хотел крикнуть, но не мог, казалось, рот забит глиной. Он стоял на коленях на глиняном полу, а веревка со скрипом тянула его за руки вверх. Чтобы хоть немного облегчить боль, он попробовал подняться, но ноги тоже были связаны. Давясь и задыхаясь, он все же ухитрился привстать, в чем ему успешно помогла веревка, немилосердно тащившая кверху.

Перед ним стоял Риенс, злые влажные глаза блестели в свете фонаря, который держал чуть ли не двухсаженный небритый детина. Другой дылда, пожалуй, не менее высокий, стоял позади. Именно он-то, смердящий, тянул перекинутую через балку веревку, привязанную к запястьям поэта.

– Довольно, – сказал Риенс почти тут же, но Лютику показалось, будто миновали столетия. Он коснулся земли, но опуститься на колени, несмотря на неодолимое желание, не мог – натянутая веревка по-прежнему держала его напряженным как струна.

Риенс приблизился. На его лице не было даже следов эмоций, выражение слезящихся глаз не изменилось. Да и голос, когда он заговорил, был спокоен, тих, даже немного как бы утомлен.

– Ты, паршивый рифмоплет. Ты, жалкий поскребыш. Ты, дерьмо поганое. Ты, зазнавшееся ничто. От меня собрался бежать? От меня еще никто не убежал. Мы не кончили беседы, ты, комедиант, баранья башка. Я спросил тебя кое о чем при вполне приемлемых условиях. Теперь ты ответишь на мои вопросы, но уже в условиях гораздо менее комфортных. Ведь верно, ответишь?

Лютик усердно закивал. Только теперь Риенс улыбнулся. И дал знак. Бард отчаянно взвизгнул, чувствуя, как натягивается веревка, а вывернутые за спину руки начинают хрустеть в суставах.

– Ах да, ты же не можешь говорить, – отметил Риенс, все еще паскудно усмехаясь. – А больно, верно? Понимаешь, пока что я подтягиваю тебя исключительно ради собственного удовольствия. Ужасно люблю смотреть, как кому-то делают больно. Ну, еще малость выше.

Лютик чуть не захлебнулся визгом.

– Довольно, – скомандовал наконец Риенс, подошел к Лютику вплотную и схватил за жабо. – Послушай, петушок. Сейчас я сниму заклинание, чтобы ты смог заговорить. Но ежели попытаешься поднять свой голосок выше необходимого, пожалеешь.

Он сделал движение рукой, коснулся кольцом щеки поэта, и Лютик почувствовал, как нижняя челюсть, язык и небо начинают оживать.

– А теперь, – тихо продолжал Риенс, – я задам тебе несколько вопросов, а ты будешь на них отвечать. Связно, быстро и исчерпывающе. Но если хоть на мгновение замнешься или начнешь заикаться, если подашь мне малейший повод усомниться в твоей искренности, то... Посмотри вниз.

Лютик послушался и с ужасом увидел, что к веревке на его щиколотках привязан короткий шнур, другим концом укрепленный на дужке набитого известью ведра.

– Если прикажу подтянуть тебя повыше, – свирепо усмехнулся Риенс, – а с тобой вместе и ведрышко, то вряд ли ты удержишь руки. К тому же сомневаюсь, что после такой процедуры ты сможешь тренькать на лютне. Искренне сомневаюсь. Поэтому, думаю, ты заговоришь. Я прав?

Лютик не подтвердил, потому что от страха не мог ни головой пошевелить, ни звука издать. По лицу Риенса было видно, что он и не ожидал подтверждения.

– Я, разумеется, – пояснил он, – тут же узнаю, говоришь ли ты правду, мгновенно разберусь в любом твоём фортеле, не дам обмануть себя поэтическими вывертами или невнятным

бормотанием. Для меня это пустяк, так же как пустяком было парализовать тебя на лестнице. Ну, не будем напрасно терять времени, начнем. Как тебе известно, меня интересует героиня одной из твоих прелестных балладок, внучка королевы Калантэ из Цинтры. Княжна Цирилла, нежненько именуемая Цири. По сообщениям очевидцев, внучка эта погибла при завоевании города два года назад. Меж тем в балладе ты красочно и волнующе описываешь ее встречу с удивительным, чуть ли не легендарным типом... э... ведьмаком Геральтом или Геральдом. Отбросив поэтические бредни о Предназначениях и Предначертаниях судьбы, из баллады следует, что девчонка уцелела во время битвы за Цинтру. Это правда?

– Не знаю... – простонал Лютик. – Я всего лишь поэт! Кое-что слышал, остальное...

– Ну?

– Остальное придумал. Скомбинировал, скомпоновал, разукрасил! Я ничего не знаю! – завыл бард, видя, что Риенс дает знак вонючему дылде, и чувствуя, как сильнее натягивается веревка. – Не вру!

– Факт! – кивнул Риенс. – Не врешь напрямую, я бы почувствовал. Но крутишь, голубок. Ты не придумываешь баллады просто так, без повода, за здорово живешь. А ведьмака-то ты знаешь. Тебя частенько видывали в его обществе. Ну давай, Лютик, выкладывай, если тебе твои суставы дороги. Все, что знаешь.

– Цири, – выдохнул поэт, – была ведьмаку предназначена. Так называемое Дитя-Неожиданность... Вы, наверно, слышали, известная история. Родители поклялись отдать ее ведьмаку...

– Родители собирались отдать ребенка сумасшедшему мутанту? Платному убийце? Врешь, виршеплет! Такие байки можешь бабам петь.

– Так было, клянусь душой моей матери, – прошептал Лютик. – Я знаю из верного источника. Ведьмак...

– Давай о девчонке. Ведьмак меня пока что не интересуется.

– О девчонке я знаю только, что ведьмак ехал за ней в Цинтру, когда началась война. Я его тогда встретил. От меня он услышал о резне, о смерти Калантэ... Выспрашивал о ребенке, о внучке королевы... Но ведь я знал, что в Цинтре погибли все, в последнем бастионе не осталось ни одной живой души...

– Говори. Поменьше метафор. Побольше фактов!

– Когда ведьмак узнал о падении Цинтры и о резне, он отказался от поездки туда. Мы вместе сбежали на Север. Я расстался с ним в Хенгфорсе и с тех пор больше не встречал... А так как в дороге он немного говорил об этой... Цири или как ее... и о Предназначении... то я взял и сочинил балладу. Больше ничего не знаю. Клянусь!

Риенс поглядел на него исподлобья.

– А сейчас где этот ведьмак? Наемный убийца чудовищ, романтический резник, обожающий рассуждать о Предназначении?

– Я же говорю, последний раз видел его...

– Знаю, что ты говорил, – прервал Риенс. – Я внимательно слушал тебя. А ты внимательно слушай меня. И точно отвечай на вопросы. А вопрос стоял так: если никто не видел ведьмака Геральта или Геральда больше года, то где он скрывается? Где скрывается обычно?

– Не знаю, где это место, – быстро ответил трубадур. – Не вру, действительно не знаю...

– Не торопись, Лютик, не торопись, – зло усмехнулся Риенс. – Не спеши. Ты хитер, но неосторожен. Так, говоришь, не знаешь, где это? Но бьюсь об заклад, знаешь, что это.

Лютик стиснул зубы. От злости и отчаяния.

– Ну! – Риенс подал знак вонючему. – Где скрывается твой ведьмак? Как называется это место?

Поэт молчал. Веревка напряглась, болезненно выкручивая руки, ноги оторвались от земли. Лютик взвыл, отрывисто и коротко, потому что волшебное кольцо Риенса тут же заставило его онеметь.

– Выше, выше! – Риенс уперся руками в бока. – Знаешь, Лютик, я мог бы с помощью магии прозондировать твой мозг, но это истощает. Кроме того, я люблю смотреть, как от боли глаза вылезают из орбит. Но ты и без того скажешь.

Лютик знал, что скажет. Шнур, привязанный к щиколоткам, натянулся, наполненное известью ведро со скрежетом передвинулось по глиняному полу.

– Господин, – вдруг сказал второй верзила, прикрыв фонарь попоной и выглянув сквозь щель в дверях свинарника. – Сюда кто-то идет. Какая-то девка, пожалуй.

– Знаете, что делать, – прошипел Риенс. – Погаси фонарь.

Вонючий отпустил веревку. Лютик бессильно повалился на землю, но упал так, что видел, как парень с фонарем встал у дверцы, а вонючий, выхватив длинный нож, притаился с другой стороны. Сквозь щели в досках просвечивали огоньки борделя, поэт слышал доносящиеся оттуда гул и пение.

Дверца скрипнула и раскрылась, там стояла невысокая фигура, обернутая плащом, в круглой, плотно прилегающей к голове шапочке. После недолгого колебания женщина переступила порог. Вонючий подскочил к ней, с размаху пырнул ножом. И тут же упал на колени, потому что нож, не встретив сопротивления, прошел горло фигуры словно клуб дыма. А фигура действительно была клубом дыма, который уже начал рассеиваться. Но прежде чем успел развеяться, в свинарник вступила другая фигура, нечеткая, темная и гибкая, как ласочка. Лютик увидел, как, кинув плащ в фонащика, она перескочила через вонючего, увидел что-то блестящее у нее в руке, услышал, как вонючий заперхал и завизжал. Второй верзила выпутался из плаща, вскочил, замахнулся ножом. Из руки темной фигуры с шипением вырвалась огненная молния, с жутким хрустом разлилась, словно горящее масло, по лицу и груди верзилы. Парень дико заорал, свинарник заполнился отвратной вонью горящего мяса.

И тогда напал Риенс. Брошенное им заклинание осветило тьму голубым блеском, в котором Лютик увидел стройную женщину в мужской одежде, странно жестикулирующую обеими руками. Увидел лишь на секунду, потому что голубой свет резко оборвался в грохоте ослепительной вспышки, а Риенс, бешено взревев, отлетел назад, рухнул на деревянную перегородку, с треском разломав ее. Женщина в мужской одежде прыгнула следом, в ее руке мелькнул кинжал. Помещение снова наполнилось светом, на этот раз желтым, бьющим из горящего овала, неожиданно возникшего в воздухе. Лютик увидел, как Риенс вскочил с глинобитного пола и, прыгнув в овал, мгновенно исчез. Овал потускнел, но, прежде чем погас совсем, женщина успела подбежать и крикнуть что-то непонятное, протянув руку. Затрещало и загудело, угасающий овал на мгновение вскипел бурлящим огнем. Издалека до Лютика долетел нечеткий звук, очень напоминающий крик боли. Овал полностью погас, свинарник опять погрузился во тьму. Поэт почувствовал, что сила, зажимающая ему рот, исчезает.

– На помощь! – завыл он. – Спасите!

– Не трясись, Лютик, – сказала женщина, опускаясь рядом с ним на колени и разрезая пути пружинным кинжалом Риенса.

– Йеннифэр? Ты?

– Надеюсь, ты не станешь утверждать, будто забыл, как я выгляжу? Да и мой голос, я думаю, ты тоже не успел забыть. Встать можешь? Не поломали тебе костей?

Лютик с трудом поднялся, застонал, растер затекшие плечи.

– Что с ними? – указал он на лежащие на полу тела.

– Проверим. – Чародейка шелкнула кинжалом. – Один должен жить. У меня к нему есть несколько вопросов.

– Вон тот, – трубадур остановился около вонючего, – кажется, жив.

– Не думаю, – равнодушно заметила Йеннифэр. – Я перерезала ему дыхательное горло и сонную артерию. Может, в нем что-то еще и теплится, но это уже ненадолго.

Лютик вздрогнул.

– Ты перерезала ему горло?

– Если б по врожденной осторожности я не выслала впереди себя фантома, то здесь лежала бы я. Осмотрим второго... Надо же! Глянь, такая дылда, а не выдержал. Жаль, жаль...

– Тоже мертв?

– Не вынес шока. Хм... Немного пережарила... Смотри, даже зубы обуглились... Что с тобой, Лютик? Рвать будет?

– Будет, – невнятно ответил поэт, согнувшись и припав лбом к стене.

– Это все? – Волшебница отставила кубок, потянулась к вертелу с цыпятами. – Нисколько не приврал? Ничего не упустил?

– Ничего. Кроме благодарности. Благодарю тебя, Йеннифэр.

Она взглянула ему в глаза, чуть кивнула, ее черные блестящие локоны заволновались, водопадом сплыли с плеча. Она сдвинула зажаренного цыпленка на деревянное блюдо и принялась его ловко разделявать, пользуясь ножом и вилкой. Теперь он понял, где и когда Геральт этому научился. «Хм, – подумал он, – неудивительно, ведь он целый год жил в ее доме в Венгерберге и, прежде чем сбежал, научился множеству фокусов». Лютик стянул с вертела второго цыпленка, не раздумывая, оторвал окорочок и принялся обгрызать, демонстративно ухватив обеими руками.

– Как ты узнала? – спросил он. – Как тебе удалось вовремя прийти на помощь?

– Я была под Блеобхерисом, когда ты там давал концерт.

– Я не видел.

– Я не хотела, чтобы меня видели. Потом поехала за тобой в городок. Ждала здесь, на постоялом дворе, мне было не к лицу идти туда, куда отправился ты, в это пристанище сомнительных наслаждений и несомненного триппера. Однако в конце концов мне надоело. Я кружила по двору, и тут мне почудились голоса, долетающие из свинарника. Я обострила слух, и оказалось, что это вовсе не какой-то скотоложец, как я вначале подумала, а ты. Эй, хозяин! Еще вина, будь любезен!

– Сей минут, благородная госпожа. Уже лечу!

– Дай того же, что вначале, только, убедительно прошу, на этот раз без воды. Воду я люблю в бане, а не в вине.

– Лечу, лечу!

Йеннифэр отставила блюдо. На косточках, как заметил Лютик, еще оставалось мяса на обед корчмарю и его родне. Нож и вилка, несомненно, выглядели элегантно и модно, но мало-производительны.

– Благодарю тебя, – повторил он, – за спасение. Этот треклятый Риенс не оставил бы меня в живых. Выжал бы из меня все и зарезал как барана.

– Согласна. – Она налила вина себе и ему, подняла кубок. – Так выпьем за твое спасенное здоровье, Лютик.

– За твое, Йеннифэр, – ответил он. – Здоровье, за которое отныне я буду молиться при всякой оказии. Я твой должник, прекрасная дама, расплачусь своими песнями, опровергну в них миф, будто волшебники нечувствительны к чужим страданиям, будто не спешат на помощь посторонним, незнакомым, бедным, несчастным смертным.

– Понимаешь, – улыбнулась она, слегка прищуривая прелестные фиалковые глаза, – у мифа в общем-то есть основания, он возник не без причин. Но ты не незнакомый, Лютик. И не посторонний. Я ведь знаю тебя и люблю.

– Правда? – тоже улыбнулся поэт. – До сих пор ты удачно это скрывала. Мне даже доводилось слышать, якобы ты не терпишь меня, цитирую: «Будто моровую язву». Конец цитаты.

– Было дело. – Чародейка вдруг посерьезнела. – Потом я изменила мнение. Потом была тебе благодарна.

– За что, позволь узнать?

– Давай не будем об этом, – сказала она, играя пустым кубком. – Вернемся к более серьезным вопросам. Тем, которые тебе задавали в свинарнике, выламывая при этом руки в суставах. А как было в действительности, Лютик? Ты и верно не видел Геральта после вашего бегства с Яруги? Действительно не знал, что после войны он вернулся на Юг? Был тяжело ранен, так тяжело, что разошлись даже слухи о его смерти? Ни о чем таком не знал?

– Не знал. Я много времени провел в Понт Ванисе, при дворе короля Эстерада Тиссена. А потом у Недамира в Хенгфорсе...

– Не знал... – Чародейка покачала головой, расстегнула кафтанчик. На шее на черной бархотке загорелась усеянная бриллиантами обсидиановая звезда. – Ты не знал о том, что, оправившись от ран, Геральт поехал в Заречье? И не догадываешься, кого он там искал?

– Догадываюсь. Но вот нашел ли, не знаю.

– Не знаешь, – повторила она. – Ты, который, как правило, знаешь обо всем и обо всем поешь. Даже о таких интимных материях, как чьи-то чувства. Под Блеобхерисом я наслушалась твоих баллад, Лютик. Несколько вполне приличных строчек ты посвятил моей особе.

– У поэзии, – проворчал Лютик, рассматривая цыпленка, – свои законы. Никто не должен чувствовать себя обойденным и обиженным...

– «Волосы как вороново крыло, как ночная буря... – процитировала Йеннифэр с преувеличенной напыщенностью, – а в глазах затаились фиолетовые молнии...» Так и было?

– Такой я тебя запомнил, – чуть улыбнулся поэт. – Кто вздумает утверждать, что это не соответствует истине, пусть первым кинет в меня камень.

– Не знаю только, – сжала губы чародейка, – кто поручил тебе описывать мои внутренние органы. Как там было-то? «Сердце ее словно украшающий ее шею драгоценный камень, твердое как алмаз и как алмаз бесчувственное. Сердце – острее, чем обсидиан, режущее, калечущее...» Ты сам придумал? Или, может... – Ее губы дрогнули, скривились. – ...А может, наслушался чьих-то жалоб и исповедей?

– Хм... – Лютик кашлянул, уклоняясь от опасной темы. – Скажи мне, Йеннифэр, когда ты последний раз видела Геральта?

– Давно.

– После войны?

– После войны... – Голос Йеннифэр едва заметно изменился. – Нет, после войны я его не видела. Долгое время... вообще не видела никого. Ну, ближе к делу, поэт. Меня немного удивляет тот факт, что ты ничего не знаешь и ни о чем не слышал, и все-таки именно тебя подтягивают на балке, чтобы раздобыть информацию. Тебя это не беспокоило?

– Обеспокоило.

– Послушай меня, – резко сказала она, ударив кубком по столу. – Послушай внимательно. Выброси эту балладу из репертуара. Не пой ее.

– Ты о...

– Ты прекрасно знаешь, о чем я. Пой о войне с Нильфгаардом. Пой о Геральте и обо мне, нам ты этим не навредишь, но и не поможешь. Ничего не исправишь, ничего не ухудишь. Но о Львенке из Цинтры не пой.

Она оглянулась, проверяя, не прислушивается ли кто из редких в этот час посетителей корчмы, подождала, пока убирающая со столов девка не ушла на кухню.

– Старайся избегать встреч один на один с людьми, которых не знаешь, – сказала она тихо. – С такими, которые для начала забывают передать тебе привет от общих знакомых. Усек?

Он удивленно поднял брови. Йеннифэр усмехнулась:

– Привет от Дийкстры, Лютик.

Теперь уже оглянулся бард. Испуганно. Его изумление было, вероятно, столь явным, а мина столь забавной, что чародейка позволила себе ехидно усмехнуться.

– Кстати, – шепнула она, перегнувшись через стол. – Дийкстра ждет доклада. Ты возвращаешься из Вердэна, и Дийкстра любопытствует, о чем болтают при дворе короля Эрвилла. Он просил передать, что на этот раз доклад должен быть деловым, детальным и ни в коем случае не рифмованным. Прозой, Лютик. Прозой.

Поэт, сглотнув, кивнул. Он молчал, раздумывая над вопросом. Но чародейка упредила его.

– Наступают трудные времена, – сказала она тихо. – Трудные и опасные. Грядет время перемен. Печально будет стареть, сознавая, что не сделал ничего такого, чтобы грядущие перемены были бы переменами к лучшему. Верно?

Он кивнул, откашлялся.

– Йеннифэр!

– Слушаю, поэт.

– А те, в свинарнике... Хотелось бы знать, кто они такие, чего хотели, кто их настропалил. Ты убила двоих, но в народе болтают, будто вы ухитряетесь вытянуть информацию даже из покойников.

– А о том, что некромантия запрещена эдиктом Капитула, в народе не болтают? Успокойся, Лютик. Бандиты наверняка мало чего знали. Тот, что сбежал... Хм... Вот с ним другое дело.

– Риенс. Он чародей, правда?

– Да. Но не очень умелый.

– Однако же сбежал. Я видел, каким макарком. Телепортировался, разве нет? Разве это ни о чем не говорит?

– Именно. Говорит. О том, что кто-то ему помог. У Риенса не было ни времени, ни сил, чтобы отворить висящий в воздухе овалный портал. Такой телепорт – не фунт изюму. Совершенно ясно, что его открыл кто-то другой. Кто-то несравненно более сильный. Поэтому я поостереглась за ним гнаться, не зная, где окажусь. Но послала ему вослед заряд достаточно высокой температуры. Ему потребуется масса заклинаний и эликсиров, эффективно залечивающих ожоги, но в любом случае он на некоторое время останется меченым.

– Может, тебе интересно будет узнать, что он нильфгаардец?

– Думаешь? – Йеннифэр выпрямилась, быстрым движением вынула из кармана пружинный нож, повертела в руке. – Нильфгаардские ножи теперь носят многие. Они удобны и сподручны, их можно спрятать даже за декольте...

– Не в ноже дело. Выспрашивая меня, он воспользовался словами «битва за Цинтру», «завоевание города» или как-то похоже. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из наших так называл эти события. Для нас это всегда была резня, не битва. Бойня. Резня в Цинтре. Никто не говорит иначе.

Чародейка подняла руку, внимательно присмотрелась к ногтям.

– Ловко, Лютик. У тебя чуткое ухо.

– Профессиональный перекосяк.

– Интересно, которую из двух профессий ты имеешь в виду? – кокетливо улыбнулась она. – Но за информацию благодарю. Ценная вещь.

– Пусть это будет мой вклад, – ответил он улыбкой, – мой вклад в перемены к лучшему. Скажи, Йеннифэр, чего ради Нильфгаард так интересуется Геральтом и девочкой из Цинтры?

– Не лезь не в свои дела, – неожиданно посерьезнела она. – Я же сказала, забудь, что когда-нибудь слышал о внучке Калантэ.

– Верно, сказала. Но сейчас я ищу не темы для баллады.

– Так чего же ты ищешь, черт побери? Шишек на свою голову?

– Допустим, – сказал он тихо, положив подбородок на сплетенные пальцы и посмотрев чародейке в глаза. – Допустим, Геральт действительно нашел и спас ребенка. Допустим,

наконец уверовал в силу Предназначения и забрал найденного ребенка с собой. Куда? Риенс пытался вытянуть это из меня пытками. А ты знаешь, Йеннифэр? Знаешь, где залег ведьмак?

– Знаю.

– И знаешь, как туда добраться?

– И это знаю.

– Тебе не кажется, что его надо бы предостеречь? Предупредить, что его и девочку разыскивают какие-то люди типа Риенса? Я поехал бы, но я действительно не знаю, где это... То место, названия которого предпочитаю не произносить...

– Сделай выводы, Лютик.

– Если ты знаешь, где находится Геральт, то должна поехать и предостеречь его. Ты ему кое-чем обязана, Йеннифэр. Ведь что-то тебя с ним связывало.

– Верно, – холодно подтвердила она. – Кое-что меня с ним связывало. Поэтому я немного знаю его. Он не любит, чтобы ему навязывали помощь. А если и требует помощи, то ищет ее у людей, которым доверяет. С тех событий прошло больше года, а я... а у меня не было от него никаких известий. Что же касается долга, то я обязана ему ровно столько, сколько и он мне. Ни больше ни меньше.

– Значит, поеду я. – Он поднял голову. – Скажи...

– Не скажу, – прервала она. – Ты погорел, Лютик. Тебя могут поймать снова. Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Исчезни. Поезжай в Реданию, к Дийкстре и Филиппе Эйльхарт, прикинься ко двору Визимира. И еще раз предупреждаю: забудь о Львенке из Цинтры. О Цири. Прикидывайся, будто никогда не слышал этого имени. Сделай так, как я прошу. Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь скверное. Я слишком тебя люблю, слишком многим тебе обязана...

– Ты второй раз говоришь это. Чем ты мне обязана, Йеннифэр?

Чародейка отвернулась, долго молчала, наконец сказала:

– Ты ездил с ним. Благодаря тебе он не был одинок. Ты был его другом. Ты был с ним.

Бард опустил глаза.

– Невелика же была ему с того польза. Немного он выиграл на такой дружбе. Из-за меня у него были одни лишь неприятности, постоянно приходилось вытаскивать меня из беды... Помогать мне.

Йеннифэр снова перегнулась через стол, положила ему руку на пальцы, сильно сжала, не проронив ни слова. В ее глазах была грусть.

– Поезжай в Реданию, – спустя некоторое время повторила она. – В Третогор. Там ты будешь под присмотром Дийкстры и Филиппы. Не пытайся изображать героя. Ты впутался в опасную аферу, Лютик.

– Я заметил. – Он поморщился, помассировал все еще болевшее предплечье. – Именно поэтому я считаю, что надо предупредить Геральта. Ты одна знаешь, где его искать. Знаешь дорогу. Догадываюсь, что ты там бывала... гостем.

Йеннифэр отвернулась. Лютик видел, как она сжала губы, как дрогнул мускул у нее на щеке.

– Правда, как-то случалось, – сказала она, и в ее голосе было что-то неуловимо странное. – Доводилось мне бывать там гостем. Но никогда – непрошеным.

Ветер яросто взвыл, закачал покрывающие руины метелки трав, зашумел в кустах боярышника и в высокой крапиве. Тучи пронеслись по диску луны, на минуту осветив замок, залив бледным, колеблющимся светом ров и остатки стены, вырвав холмики черепов, щерящих поломанные зубы, черными провалами глазниц глядящих в небытие. Цири тонко пискнула и спрятала голову под плащ ведьмака.

Подгоняемая пятками лошадь осторожно переступила кучу кирпичей, вошла под разрушенную арку. Подковы, ударяя по сломанным плитам, будили меж стен призрачное эхо, которое тут же заглушал ветер. Цири дрожала, вцепившись руками в гриву коня.

– Я боюсь...

– Нечего бояться, – ответил ведьмак, положив ей руку на плечо. – На всем свете нет места безопаснее. Это Каэр Морхен. Пристанище ведьмаков. Когда-то здесь был прекрасный замок-крепость. Очень давно.

Она не ответила, только ниже опустила голову. Лошадь ведьмака по прозвищу Плотва тихо фыркнула, словно и она хотела успокоить девочку.

Они погрузились в темноту, в бесконечно длинный черный туннель меж колонн и арок. Плотва шла уверенно и охоче, не обращая внимания на непроницаемую тьму, весело позвякивая подковами по полу.

Перед ними в конце туннеля неожиданно загорелась красным вертикальная линия. Вырастая и расширяясь, она превратилась в двери, из-за которых вырывался свет, мерцающее пламя лучин, укрепленных в железных держателях на стенах. В дверях возникла черная, нечеткая в неверном свете фигура.

– Кто? – услышала Цири злой металлический голос, прозвучавший как лай. – Геральт?

– Да, Эскель. Я.

– Входи.

Ведьмак слез с лошади, снял Цири с седла, опустил на землю, сунул ей узелок, в который она тут же вцепилась обеими руками, жалея, что он слишком мал, чтобы спрятаться за ним.

– Подожди здесь, с Эскемем, – сказал Геральт. – Я отведу Плотву в конюшню.

– Пошли на свет, малыш, – проворчал мужчина, которого ведьмак назвал Эскемем. – Не стой во тьме.

Цири подняла глаза, взглянула на его лицо и с трудом сдержала крик ужаса. Это был не человек. «Ни у одного человека, – подумала она, – не может быть такого лица».

– Ну, чего ты ждешь? – повторил Эскель.

Она не шевельнулась. Слышала, как в темноте удаляется стук копыт Плотвы. По ноге шмыгнуло что-то мягкое и пищущее. Она подпрыгнула.

– Не стой во мраке, малыш, крысы башмачки прогрызут.

Цири, прижимая узелок, быстро шагнула к свету. Крысы с писком прыгнули из-под ног. Эскель наклонился, отобрал у нее узелок, снял шапочку.

– А, зараза! – буркнул он. – Девчонка. Этого только не хватало.

Цири испуганно глянула на него. Эскель улыбался. Она увидела, что это все-таки человек, что у него вполне нормальное человеческое лицо, только от уголка губ через всю щеку до самого уха его уродовал полукруглый длинный шрам.

– Ну, коли уж ты тут, приветствую тебя в Каэр Морхене, – сказал он. – Как тебя кличут?

– Цири, – ответил за нее Геральт, беззвучно появляясь из мрака. Эскель обернулся. Резко, быстро, не произнеся ни слова. Ведьмаки обхватили друг друга, крепко, сильно сплелись руками. На мгновение, не больше.

– Жив, Волк.

– Жив.

– Ну, славно. – Эскель вынул лучину из держателя. – Пошли. Я закрою внутренние ворота, тепло уходит.

Они пошли по коридору. Крысы были и тут, бегали вдоль стен, попискивали в темных провалах боковых проходов, прыскали из неверного круга света, отбрасываемого факелом-лучиной. Цири семенила, стараясь не отставать от мужчин.

– Кто зимует, Эскель? Кроме Весемира.

– Ламберт и Койон.

Они спустились по скользким крутым ступеням. Внизу был виден отсвет. Цири услышала голоса, почувствовала запах дыма.

Огромный холл освещало бушующее в гигантском камине пламя, с гулом рвущееся в пасть уходящей вверх трубы. В центре холла стоял большой тяжелый стол. За таким столом могли разместиться никак не меньше десяти человек. Но сидели только трое. Три человека. «Три ведьмака», – мысленно поправилась Цири. Она видела только их силуэты на фоне огня, полыхавшего в камине.

– Привет, Волк, мы ждали тебя.

– Привет, Весемир. Привет, парни. Приятно снова оказаться дома.

– Кого это ты привел?

Геральт минуту помолчал, потом положил руку на плечо Цири, легонько подтолкнул ее вперед. Она шла неловко, робко, спотыкаясь и сутулясь, наклонив голову. «Я боюсь, – подумала она. – Я ужасненько боюсь. Когда Геральт меня нашел и взял с собой, я думала, что страх уже не вернется, что уже все позади... И вот, вместо того чтобы быть дома, я оказалась в этом страшном, темном, разваливающемся замке, забитом крысами и полным кошмарным эхо... Я снова стою перед пурпурной стеной огня. Вижу грозные черные фигуры, вижу уставившиеся на меня злые, неестественно блестящие глаза...»

– Кто этот ребенок, Волк? Кто эта девочка?

– Она мое... – Геральт осекся. Она почувствовала на плечах его сильные, твердые руки. И неожиданно страх исчез. Пропал без следа. Пурпурный, рвущийся вверх огонь излучал тепло. Только тепло. Черные силуэты были силуэтами друзей. Покровителей. Блестящие глаза выражали любопытство. Заботу. И беспокойство...

Руки Геральта стиснули ей плечи.

– Она – наше Предназначение.

Глава вторая

Воистину нет ничего более отвратного, нежели монстры оные, натуре противные, ведьмаками именуемые, ибо суть они плоды мерзопакостного волшебства и дьявольства. Это есть мерзавцы без достоинства, совести и чести, истинные исчадия ада, токмо к убийствам приспособленные. Нет таким, како оне, места меж людьми почтенными.

А их Каэр Морхен, где оные бесчестники гнездятся, где мерзкие свои дела обделывают, стерт должен быть с лона земли и след по нему солью и селитрой посыпан.

Аноним

«Монструм, или Ведьмака описание»

Нетерпимость и зазнайство всегда были присущи глупцам и никогда, думается, до конца искоренены не будут, ибо они столь же вечны, сколь и сама глупость. Там, где ныне возвышаются горы, когда-нибудь разольются моря, там, где ныне пенятся волны морские, когда-нибудь раскинутся пустыни. А глупость останется глупостью.

Никодемус де Боот

«Рассуждения о жизни, счастье и благополучии»

Трисс Меригольд дохнула на озябшие руки, пошевелила пальцами и пробормотала магическую формулу. Ее конь, буланый мерин, тут же отреагировал на заклинание, фыркнул и повернул морду, косясь на чародейку слезящимися от холода и ветра глазами.

– У тебя два выхода, старик, – сказала Трисс, натягивая перчатки. – Либо ты приспособишься к магии, либо я продам тебя кметам под плуг.

Мерин застриг ушами, пустил струи пара из ноздрей и послушно двинулся вниз по лесистому склону. Чародейка наклонилась в седле, уворачиваясь от ударов заиндевелых веток.

Заклинание подействовало быстро, она перестала ощущать уколы озноба в локтях и на затылке, исчезло неприятное ощущение холода, заставлявшее сутулиться и втягивать голову в плечи. Волшебство, разогрев ее, приглушило и голод, вот уже несколько часов сосущий под ложечкой. Трисс повеселела, уселась поудобнее в седле и принялась внимательнее, чем раньше, рассматривать окрестности.

После того как она свернула с дороги, направление ей указывала белесо-серая стена гор. Покрытые снегом вершины поблескивали золотом в те редкие минуты, когда солнце пробивалось сквозь тучи: чаще всего утром и перед самым закатом. Сейчас, когда горная цепь была почти рядом, приходилось быть внимательнее. Окрестности Каэр Морхена славились своей дикостью и недоступностью, а выщербину в гранитной стене, которой следовало руководствоваться, непривычный глаз мог обнаружить с большим трудом. Стоило свернуть в одно из многочисленных ущелий, чтобы потерять ее из виду. Даже она, зная дорогу и помня, где искать перевал, не могла позволить себе отвлечься.

Лес кончился. Перед чародейкой раскинулась широкая, усеянная галькой долина, упирающаяся в обрывистые склоны. По середине долины бежала Гвенллек, Река Белых Камней, бурля пеной меж камней и принесенных потоком стволов. Здесь, в верхнем течении, Гвенллек была всего лишь мелким, хоть и широким ручьем, и ее легко можно было пройти вброд. Ниже, в Каэдвене, в среднем течении, река образовывала непреодолимое препятствие – она с ревом мчалась в глубоких провалах.

Мерин, ступив в воду, ускорил шаг, явно стремясь поскорее добрести до противоположного берега. Трисс слегка придержала его – ручей был мелкий: едва доходил коню до бабок, но

камни на дне были скользкие, а течение быстрое и бурное. Вода бурлила и пенилась вокруг ног лошади.

Чародейка глянула на небо. Усиливающийся холод и ветер здесь, в горах, предвещали пургу, а перспектива провести очередную ночь в гроте либо в каменной расщелине не очень-то привлекала. Конечно, она могла бы, в случае крайней нужды, продолжать путь даже в пургу, могла распознавать дорогу телепатически, могла с помощью магии укрепить себя против холода. Могла, если бы это было необходимо. Но такой необходимости она не видела.

К счастью, Каэр Морхен был уже близко. Трисс заставила мерина забраться на пологую осыпь – огромную каменную призму, омытую ледниками и потоками воды, – въехала в плоский проход меж скальными блоками. Стены ущелья вздымались отвесно и, казалось, встречались высоко наверху, разделенные лишь узким штришком неба. Стало теплее, потому что ветер, воющий над скалами, уже не доставал, не хлестал и не кусал ее.

Проход расширился, вывел в балку, а потом в долину, на огромную, округлую, покрытую лесом мульду, раскинувшуюся меж зубастых камней. Чародейка поехала не по пологим, легкодоступным склонам мульды, а поднялась прямо в дебри, в густую чащу. Сухие ветки захрустели под копытами. Мерин, вынужденный переступать через поваленные стволы, захрапел, заплескал, затопал. Трисс натянула поводья, дернула коня за косматое ухо и выругала, ехидно намекнув на его трусость. Конь, казалось, действительно смутился, пошел ровнее и бодрее, сам выбирая дорогу в чаще.

Вскоре они оказались на открытом пространстве, въехали в русло ручейка, едва сочившегося по дну балки. Чародейка внимательно осмотрелась и нашла то, что искала. Над балкой, опираясь на огромные камни, горизонтально лежал могучий ствол, темный, голый, позеленевший от мха. Трисс подъехала ближе, чтобы удостовериться, действительно ли это Путь, а не случайное дерево, поваленное вихрем. Обнаружила почти незаметную узкую тропинку, скрытую в лесу. Нет, она не ошиблась, это наверняка Путь – бегущая вокруг Каэр Морхена дорожка, забитая препятствиями, на которой ведьмаки совершенствовались в скорости бега и контроле дыхания. Дорожку именовали Путем, но Трисс знала, что юные ведьмаки называли ее иначе: Мучильня.

Прильнув к шее коня, она медленно проехала под стволом. И тут услышала звон камней и быстрые легкие шаги бегущего человека.

Она повернулась в седле, натянула поводья, ожидая, пока ведьмак взбежит на ствол.

Ведьмак взбежал на ствол, стрелой промчался по нему, не замедляя бега, даже не балансируя руками, легко, ловко, мягко, с невероятной грацией. Только мелькнул и тут же скрылся меж деревьев, не задев ни единой ветки. Трисс громко вздохнула, недоверчиво покачала головой. Потому что ведьмаку, судя по росту и фигуре, было около двенадцати лет.

Чародейка ударила буланого пятками, отпустила поводья и рысью направилась вверх по течению ручья. Она знала, что Путь пересекает балку снова в том месте, которое окрестили Горловиной. Ей хотелось еще раз глянуть на маленького ведьмака. Ведь она знала, что в Каэр Морхене детей не тренируют уже почти четверть века.

Особо она не спешила. Тропинка Мучильни извивалась и петляла по бору, на то, чтобы преодолеть ее, ведьмачонку понадобилось бы значительно больше времени, чем ей, едущей наперерез. Однако и медлить тоже не следовало. За Горловиной Путь сворачивал в лес, вел прямо к замку. Если не поймать паренька у пропасти, его можно вообще не увидеть. Трисс уже несколько раз бывала в Каэр Морхене и прекрасно понимала, что видела там только то, что ведьмаки хотели показать, а показать они хотели лишь самую малость из того, что в Каэр Морхене вообще можно было увидеть. Нет, наивной Трисс не была.

Проехав по каменистому руслу ручья, она увидела Горловину – уступ, образованный над яром двумя омшелыми скалами, заросшими искореженными карликовыми деревцами. Она отпустила поводья. Буланный фыркнул и наклонил голову к воде, струящейся меж гольшей.

Долго ждать не пришлось. Фигурка ведьмака мелькнула на скале, мальчонка прыгнул, не сбавляя темпа. Чародейка услышала мягкий шлепок, а чуть позже грохот камней, глухой звук падения и тихий крик. Вернее, писк.

Трисс, не раздумывая, соскочила с седла, скинула меховую накидку и помчалась по склону, подтягиваясь за корни и ветви деревьев. Взлетела на скалу с разгона, но поскользнулась на игольнике и упала на колени рядом со скорчившимся на камнях телом. Увидев ее, подросток вскочил как подброшенный пружиной, молниеносно отступил и ловко схватился за меч, перекинутый за спину, но споткнулся и упал между можжевельным кустом и сосенками. Чародейка не поднималась с колен, а смотрела на мальчика, раскрыв рот от изумления.

Потому что это был вовсе не мальчик.

Из-под пепельной, неровно и неаккуратно подстриженной челки на нее глядели огромные изумрудно-зеленые глаза, самое заметное пятно на маленьком личике с узким подбородком и вздернутым носиком. В глазах стоял испуг.

– Не бойся, – неуверенно сказала Трисс.

Девочка раскрыла глаза еще шире. Она почти не дышала и, похоже, вовсе не вспотела. Не иначе как бегала по Мучильне уже не один день.

– Как ты?

Вместо ответа девочка быстро встала, ойкнула от боли, перенесла вес тела на левую ногу, наклонилась, помассировала коленку. Одетая она была во что-то вроде кожаного костюма, сшитого, вернее, сляпанного таким образом, что любой уважающий себя портной, увидев его, взвыл бы от отчаяния и ужаса. Единственным, что в экипировке казалось в меру новым и подогнанным, были высокие, до колен, сапожки, ремни и меч. Точнее, мечик.

– Не бойся, – повторила Трисс, все еще не поднимаясь с колен. – Я слышала, как ты упала, испугалась, потому так бежала...

– Я поскользнулась, – буркнула девочка.

– Ничего не повредила?

– Нет. А что?

Чародейка рассмеялась, попробовала встать, поморщилась от боли, отозвавшейся в щиколотке, чертыхнулась. Села, осторожно выпрямила ногу, выругалась снова.

– Иди сюда, малышка, помоги мне встать.

– Я не малышка.

– Допустим. В таком случае кто ты?

– Ведьмачка!

– Ха! Ну так подойди, ведьмачка, и помоги мне встать.

Девочка не двинулась с места. Она переступила с ноги на ногу и рукой в шерстяной митенке перебирала ремень меча, подозрительно поглядывая на Трисс.

– Не бойся, – улыбнулась чародейка. – Я не разбойница и не чужак какой-нибудь. Меня зовут Трисс Меригольд, я еду в Каэр Морхен. Ведьмаки меня знают. Не тарасься. Я одобряю твою бдительность, но будь рассудительной. Как думаешь, добралась бы я сюда, не зная дороги? Ты когда-нибудь встречала на Пути человеческое существо?

Девочка отбросила сомнения и подошла ближе, протянув руку. Трисс поднялась, почти не воспользовавшись помощью. Не в помощи было дело. Ей хотелось рассмотреть девочку вблизи. И прикоснуться к ней.

В зеленых глазках маленькой ведьмачки не было и признаков мутации, прикосновение маленькой ручки тоже не вызвало легкой приятной щекотки, характерной для ведьмаков. Пепельноволосого ребенка, хоть он и бегал тропинкой Мучильни с мечом за спиной, не подвергали Испытанию Травмами и Трансмутациям. В этом Трисс была уверена.

– Покажи коленку, малышка.

– Не малышка я!

– Прости, забыла. Но какое-то имя у тебя, надо думать, есть?

– Есть. Я... Цири.

– Очень приятно. Подойди-ка поближе, Цири.

– Со мной ничего не стало.

– Хочу взглянуть, как выглядит твое «ничего». Ну вот, так я и думала. «Ничего» поразительно напоминает разорванные штаны и содранную до живого мяса кожу. Стой спокойно и не бойся.

– Я и не боюсь... Аааа!

Чародейка захохотала и потерла о бедро зудевшую от заклинания руку. Девчушка наклонилась, осмотрела колено.

– О! – сказала она. – Уже не больно! И дырки нет... Это чары?

– Угадала.

– Так ты чаровница?

– Опять угадала. Хоть, признаться, предпочитаю чародейку, а не чаровницу. Чтоб не ошибаться, можешь называть меня по имени. Трисс. Попросту Трисс. Пошли, Цири. Внизу ждет мой конь, в Каэр Морхен поедем вместе.

– Мне надо бежать, – покрутила головой Цири. – Нельзя прерывать бег, а то в мышцах образуется молоко. Геральт говорит...

– Геральт в замке?

Цири надулась, стиснула губы, глянула на чародейку из-под пепельной челки. Трисс снова рассмеялась.

– Хорошо. Не буду выспрашивать. Секрет – это секрет, ты правильно делаешь, что не выбалтываешь его незнакомому человеку. Пошли. Посмотрим на месте, кто есть в замке, а кого нет. А о мышцах не беспокойся, я знаю, как управиться с молочной кислотой. О, вот и мой коняга. Я тебе помогу...

Она протянула руку, но Цири помощь не понадобилась. Она заскочила в седло ловко, легко, почти не отталкиваясь от земли. Мерин дернулся, удивленный, затоптался на месте, но девочка, быстро ухватив поводья, успокоила его.

– Вижу, с конями ты управляешься.

– Я со всем управляюсь.

– Подвинься ближе к луке. – Трисс сунула ноги в стремя, схватилась за гриву. – Дай мне немного места. И не выбей мне глаза своим мечом.

Она тронула мерина пяткой, и они двинулись шагом по руслу ручья, пересекли очередной яр и взобрались на округлый холм. Оттуда уже виднелись прилепившиеся к каменным обрывам руины Каэр Морхена – частично разрушенная трапеция защитного вала, остатки башни и ворот, бочкообразный столб донжона.

Мерин фыркнул и дернул головой, переходя ров по остаткам моста. Трисс натянула поводья. На нее самое не действовали покрывающие дно рва истлевшие черепа и кости. Ей уже доводилось их видеть.

– Не люблю этого, – вдруг проговорила девочка. – Так быть не должно. Умерших надо предавать земле. Под курганом. Ведь верно?

– Верно, – спокойно подтвердила чародейка. – Я тоже так считаю. Но ведьмаки рассматривают это кладбище как... напоминание.

– Напоминание о чем?

– На Каэр Морхен, – Трисс направила коня к растрескавшимся аркам, – напали. Здесь разразилась кровавая битва, в которой погибли почти все ведьмаки. Уцелели только те, которых в тот момент не было в замке.

– Кто напал? И почему?

– Не знаю, Цири, – солгала она. – Это было страшно давно. Спроси ведьмаков.

– Спрашивала, – проворчала девочка. – Они не хотят говорить.

«Я их понимаю, – подумала чародейка. – Ребенку, которого муштруют, чтобы он стал ведьмаком, к тому же девочке, не говорят о таких вещах. Такому ребенку не рассказывают о бойнях и резне. Не ожесточают перспективой того, что и он может когда-либо услышать о себе слова, которые выкрикивали тогда валившие на Каэр Морхен фанатики. Мутант! Чудовище! Монстр! Богами проклятое, природе противное существо! Нет, – подумала она, – я не удивляюсь тому, что ведьмаки не рассказали тебе об этом, малышка Цири. И я тоже не расскажу. У меня, малышка Цири, еще больше причин молчать. Ведь я чародейка, а анонимный пасквиль, широко разошедшийся в списках «Монструм», который взбудоражил фанатиков и подтолкнул их на преступление, тоже, кажется, был делом рук какого-то чародея. Но я, малышка Цири, не признаю коллективной ответственности, не чувствую потребности в покаянии по случаю события, имевшего место за столетия до моего рождения. А скелеты, которым суждено быть вечным напоминанием, в конце концов истлеют, обратятся во прах, который развеет ветер, неустанно овевающий склоны, и будут забыты...»

– Они не хотят так лежать, – неожиданно сказала Цири. – Не хотят быть символом, укором совести или предостережением. Они не хотят и того, чтобы их прах развеял ветер.

Трисс быстро подняла голову, услышав изменения в голосе девочки. Моментально уловила магическую ауру, пульсирование и шум крови в висках. Напряглась, но не отозвалась ни словом, боясь прервать и нарушить происходящее.

– Обычный курган. – Голос Цири становился все более неестественным, каким-то металлическим, холодным и злым. – Горстка земли, которая зарастет крапивой. У смерти голубые и холодные глаза, а высота обелиска не имеет значения, не имеют значения и надписи, выбитые на нем. Кто может знать об этом лучше тебя, Трисс Меригольд, четырнадцатая с Холма?

Чародейка обомлела. Она видела, как руки девочки стискивают гриву коня.

– Ты умерла на Холме, Трисс Меригольд, – снова проговорил злой, чужой голос. – Зачем ты сюда приехала? Возвращайся, возвращайся немедленно, а этого ребенка, Дитя Старшей Крови, заведи с собой, чтобы отдать его тем, кому он принадлежит. Сделай так, Четырнадцатая. Ибо, не сделав этого, ты умрешь еще раз. Придет день, и Холм вспомнит о тебе. Вспомнят о тебе братская могила и обелиск, на котором выбито твое имя.

Мерин громко заржал, затряс головой. Цири вдруг дернулась, задрожала.

– Что случилось? – спросила Трисс, пытаясь совладать с голосом.

Цири откашлялась, двумя руками поправила волосы, потерла лицо.

– Н-н... ничего... – неуверенно произнесла она. – Устала, поэтому... Поэтому уснула. Надо бежать...

Магическая аура развеялась. Трисс почувствовала, как накатил неожиданно волна холода. Попыталась убедить себя, что это эффект угасания защитного заклинания, хоть и знала, что все не так. Посмотрела вверх, на каменную громаду замка, тарасившуюся на нее черными провалами развалившихся бойниц. По телу пробежала дрожь.

Конь зацокал копытами по плитам двора. Чародейка быстро соскочила с седла, подала руку Цири. Воспользовавшись соприкосновением ладоней, осторожно послала магический импульс. И поразилась. Потому что не почувствовала ничего. Никакой реакции, никакого ответа. И никакого сопротивления. В девочке, которая только что создала невероятно сильную ауру, не было даже намека на магию. Теперь это был обыкновенный, неряшливо подстриженный и скверно одетый ребенок.

Но минуту назад ребенок этот не был обыкновенным ребенком.

Трисс не успела обдумать странное явление. Она услышала скрежет окованных железом дверей, донесшийся из темного жерла коридора, зияющего за полуразрушенным порталом. Сбросила накидку, сняла лисью шапочку, быстрым движением головы рассыпала волосы, свою гордость и распознавательный знак – длинные, горящие золотом, пушистые локоны цвета свежего каштана.

Цири изумленно вздохнула. Трисс улыбнулась, радуясь эффекту. Прекрасные длинные пушистые волосы были редкостью, признаком положения, статуса, знаком свободной женщины, самой себе хозяйки. Знаком женщины необычной, ибо обычные девушки носили косы, обычные замужние женщины покрывали волосы чепчиками либо платками. Дамы знатные, включая и королев, завивали и укладывали волосы. Воительницы стриглись коротко. Только друидки и чародейки, да еще распутницы похвалялись естественными гривами, чтобы подчеркнуть независимость и свободу.

Ведьмаки появились, как всегда, неожиданно, как всегда, беззвучно, как всегда, неведомо откуда. Остановились перед ней, высокие, стройные, со скрещенными на груди руками, сместив вес тела на левую ногу, в той позиции, из которой – она знала – можно атаковать мгновенно. Цири встала рядом с ними в такой же позе. В своей карикатурной одежке она выглядела презабавно.

– Приветствуем тебя в Каэр Морхене, Трисс.

– Приветствую тебя, Геральт.

Он изменился. Казалось, постарел. Трисс знала, что биологически это невозможно. Да, ведьмаки стареют, но слишком медленно, чтобы простой смертный или такая молодая чародейка, как она, могли обнаружить перемены. Но достаточно было одного взгляда, чтобы понять: мутация способна задерживать процесс физического старения, но не психического. Иссеченное морщинами лицо Геральта было лучшим тому доказательством. Трисс с глубочайшей досадой оторвала взгляд от глаз ведьмака. Глаз, которые явно видели слишком многое. К тому же она не заметила в этих глазах того, на что рассчитывала.

– Приветствую, – повторил он. – Рады видеть тебя.

Рядом с Геральтом стоял Эскель, похожий на Волка как брат-близнец, если не считать цвета волос и длинного шрама, уродующего щеку. И самый младший из ведьмаков в Каэр Морхене – Ламберт, как всегда, с неприятной ухмылкой на лице. Весемира не было.

– Приветствуем и приглашаем войти, – сказал Эскель. – Холодно и дует так, словно где-то висельник завелся. А ты куда, Цири? Тебя приглашение не касается. Солнце пока высоко, хоть его и не видно. Еще можно тренироваться.

– Ай-ай, – тряхнула волосами чародейка. – Похоже, подшевелила вежливость в Пристанище ведьмаков. Цири встретила меня первой, проводила в замок. Ей положено быть со мной...

– Она здесь обучается, Меригольд, – поморщился Ламберт, изобразив пародию на улыбку. Он всегда называл ее «Меригольд», без «госпожи», без имени. Трисс не любила этого. – Она ученица, – продолжал Ламберт, – а не мажордом. Встреча гостей, даже столь приятных, как ты, не входит в ее обязанности. Пошли, Цири.

Трисс слегка пожалала плечами, прикидываясь, будто не замечает смущенных взглядов Геральта и Эскеля. Смолчала. Не хотела смущать их еще больше. А главное, не хотела, чтобы они поняли, как сильно ее интересует и завораживает эта девочка.

– Я отведу коня, – предложил Геральт, потянувшись к поводьям. Трисс украдкой подвинула руку, и их пальцы встретились. Взгляды тоже.

– Я пойду с тобой, – свободно сказала она. – Во вьюках кое-какие нужные мне мелочи.

– Ты доставила мне несколько неприятных минут, – буркнул он, как только они вошли в конюшню. – Я собственными глазами видел твое пышное надгробие. Обелиск, увековечивающий твою геройскую смерть в битве за Содден. Лишь недавно до меня дошли слухи, что это ошибка. Не понимаю, как тебя можно было с кем-то перепутать, Трисс.

– Долгая история, – ответила она. – При случае расскажу. А неприятные минуты – ну что ж, постарайся простить меня.

– Нечего тут прощать. Последнее время мне редко доводилось радоваться, а радость, которую я ощутил, узнав, что ты жива, трудно сравнить с какой-либо иной. Разве только с той, какую я испытываю сейчас, глядя на тебя.

Трисс показалось, что в ней что-то разрывается. Страх перед встречей с беловолосым ведьмаком всю дорогу боролся в ней с надеждой на встречу. А потом – это измученное, истощенное лицо, эти всевидящие больные глаза, слова, холодные и взвешенные, неестественно спокойные, но насыщенные таким чувством...

Она бросилась ему на шею, сразу, не раздумывая. Схватила руку, резко завела себе за шею, под волосы. Мурашки побежали у нее по спине, пронзили таким блаженством, что она чуть было не закричала. Чтобы сдержать и приглушить крик, она нашла губами его губы. Прильнула к ним. Она дрожала, крепко прижимаясь к нему, возбуждая и усиливая в себе страсть, забываясь все больше.

Геральт не забылся.

– Трисс... Прощу тебя...

– Ох, Геральт... Я так...

– Трисс. – Он мягко отстранил ее. – Мы не одни... Сюда идут.

Она взглянула на дверной проем. Тени приближающихся ведьмаков она заметила не сразу, их шаги слышала еще позже. Ну что ж, ее слух, который в принципе она считала обостренным, с ведьмачьим соперничать не мог.

– Трисс, деточка!

– Весемир!

Да, Весемир был действительно стар. Кто знает, не старше ли, чем Каэр Морхен. Но он шел к ней быстрым, энергичным и пружинистым шагом, его рукопожатие было крепким, а руки сильными.

– Рада снова видеть тебя, дедушка.

– Поцелуй меня. Нет, не руку, маленькая чародейка. Руку будешь целовать, когда я окажусь на смертном одре. А это, похоже, вот-вот случится. Ох, Трисс, хорошо, что ты приехала... Кто меня вылечит, если не ты?

– Вылечить? Тебя? От чего? Разве что от мальчишеских штучек! Убери руку с моего зада, старец, не то подпалю твою седую бороду!

– Прости. Все время забываю, что ты выросла и я уже не могу сажать тебя на колени и похлопывать. Что же до моего здоровья... Ох, Трисс, старость не радость. Кости ломит так, что выть хочется. Поможешь старику, девочка?

– Помогу. – Чародейка высвободилась из медвежьих объятий и взглянула на сопровождавшего Весемира ведьмака. Он был молод, казался ровесником Ламберта. Носил короткую черную бороду, которая, однако, не скрывала сильных рябушек после оспы. Это было довольно необычно, потому что ведьмаки, как правило, обладали высоким иммунитетом против заразных болезней.

– Трисс Меригольд. Койон, – представил их Геральт. – Койон проводит с нами первую зиму. Он с Юга, из Повисса.

Молодой ведьмак поклонился. У него были необычно светлые желто-зеленые радужки, а перерезанные красными ниточками хрусталики говорили о тяжелом, хлопотном протекании мутации глаз.

– Идем, деточка, – сказал Весемир, взяв ее за руку. – Конюшня – не место для встречи гостей. Но я не мог дождаться.

Во дворе, меж заслоняющих от ветра стен, Цири занималась под присмотром Ламберта. Ловко балансируя на подвешенной на цепях балке, она с мечом в руке нападала на кожаный мешок, перевязанный ремнями так, чтобы он изображал человеческое тело. Трисс задержалась.

– Плохо! – шипел Ламберт. – Слишком близко подходишь! И не руби вслепую. Я же сказал, самым концом меча по шейной артерии! Где у гуманоида шейная артерия? На макушке? Что с тобой творится? Сосредоточься, княжна!

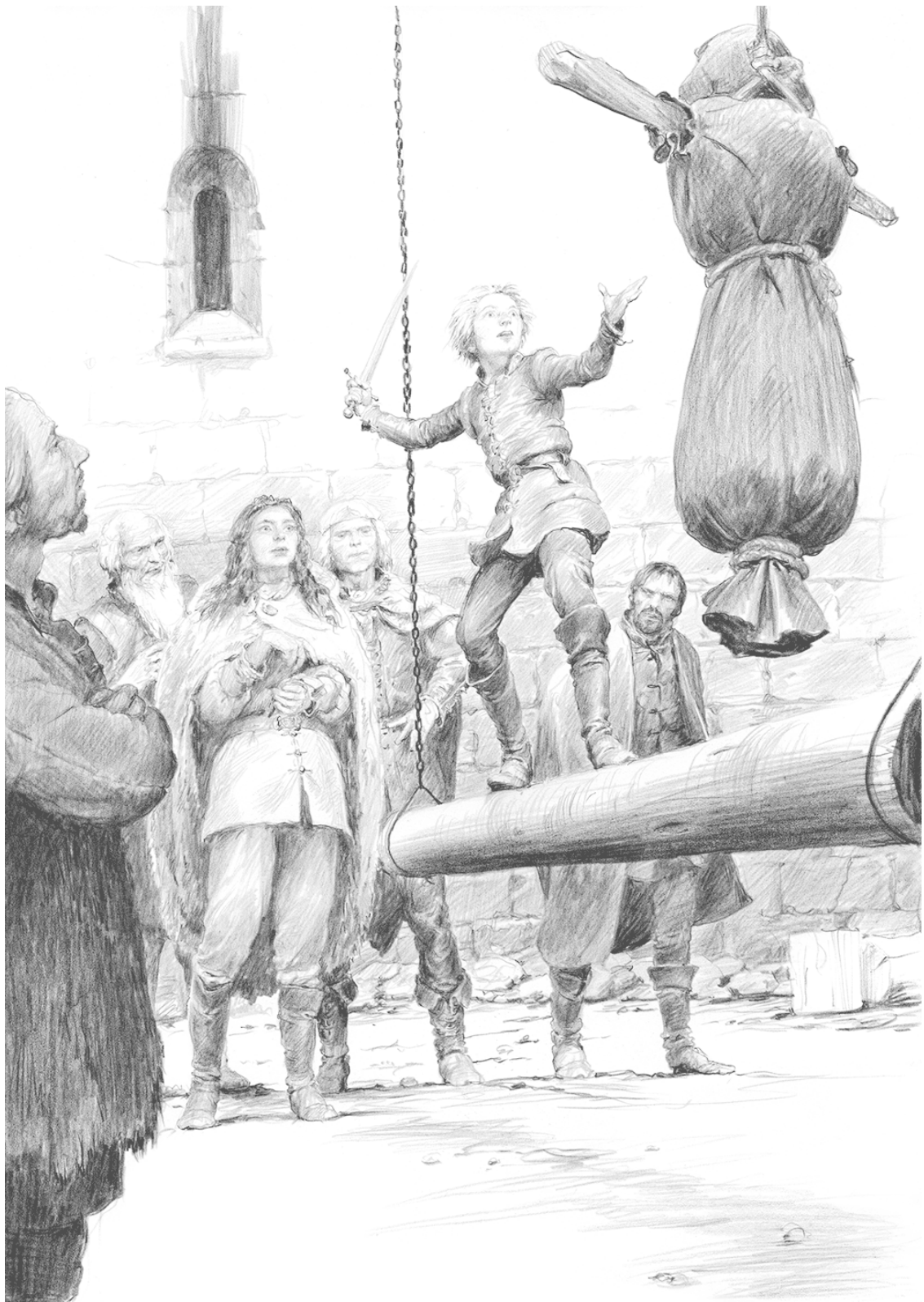
«Ха! – подумала Трисс. – Стало быть, и впрямь не легенда. Это она. Я верно догадывалась».

Она решила пойти в атаку не откладывая, не позволив ведьмаку выкрутиться.

– Знаменитое Дитя-Неожиданность? – указала она на Цири. – Похоже, вы всерьез взялись выполнять требования судьбы и Предназначения? Только вроде бы сказки у вас перепутались, ребята. В сказках, которые мне рассказывали, пастушечки и сиротки становились княжнами. А тут, вижу, наоборот – княжну переделывают в ведьмачку. Вам не кажется, что это несколько рискованно?

Весемир взглянул на Геральта. Беловолосый ведьмак молчал, его лицо ничего не выражало, даже дрожанием век он не отреагировал на немую просьбу о поддержке.

– Все не так, как ты думаешь, – откашлялся старик. – Геральт привез ее сюда прошлой осенью. У нее нет никого, кроме... Послушай, Трисс, ну как тут не поверить в Предназначение, если...

– Что общего у Предназначения с размахиванием мечом?

– Мы учим ее пользоваться мечом, – тихо проговорил Геральт, повернувшись к чародейке и глядя ей прямо в глаза, – потому что ничему другому научить не можем. Не умеем ничего больше. Предназначение ли, нет ли, но Каэр Морхен теперь ее дом. Во всяком случае, на какое-то время. Тренировки и фехтование забавляют ее, помогают сохранить здоровье. Позволяют забыть о перенесенной трагедии. Теперь это ее дом, Трисс. Другого у нее нет.

– Множество цинтрийцев, – чародейка выдержала взгляд, – убежали после поражения в Вердэн, в Бругге, в Темерию, на Острова Скеллиге. Среди них есть вельможи, бароны, рыцари. Друзья, родственники... как и... подданные этой девчушки. Формально.

– Друзья и родственники после войны не стали ее искать. Не нашли.

– Потому что не им она была предназначена, – не очень искренне, но очень мило улыбнулась Трисс Геральту. Так мило, как только умела. Ей не хотелось, чтобы он говорил таким тоном.

Ведьмак пожал плечами. Трисс, которая немного знала его, сразу же сменила тактику, отказавшись от аргументации.

Снова взглянула на Цири. Девочка, ловко ступая по бревну, проделала быстрый поворот, рубанула легко, тут же отскочила. Манекен закачался на веревке.

– Ну наконец-то! – крикнул Ламберт. – Наконец-то поняла! Отступи и давай еще раз. Хочу удостовериться, что это не случайность!

– Меч, – обернулась Трисс к ведьмакам, – похоже, острый. Бревно, похоже, скользкое и неустойчивое. А учитель похож на идиота, сбивающего девочку с толку своим криком. Не боитесь? Или рассчитываете на то, что Предназначение оградит ребенка?

– Цири почти полгода тренировалась без меча, – сказал Койон. – Умеет двигаться. А мы внимательно следим, потому что...

– Потому что это ее дом, – закончил Геральт тихо, но жестко. Очень жестко. Тонем, пресекающим дискуссию.

– В том-то и дело, – глубоко вздохнул Весемир. – Ты устала, Трисс? Голодна?

– Не отрицаю, – вздохнула она, не пытаясь больше поймать взгляд Геральта. – Честно говоря, валюсь с ног. Последнюю ночь я провела в полуразрушенном пастушьем шалаше, зарывшись в солому и мешки. Уплотнила развалюху с помощью магии, если б не это, очучилась бы, пожалуй. Мечтаю о чистой постели.

– Поужинаешь с нами. Сейчас. Потом как следует выспишься и отдохнешь. Мы приготовили тебе самую лучшую комнату, ту, что в башне. И поставили там самую лучшую кровать, какая только нашлась в Каэр Морхене.

– Благодарю, – кисло улыбнулась Трисс. «В башне, – подумала она. – Хорошо, Весемир. Сегодня можно и в башне, если тебе так уж важно соблюсти видимость приличия. Могу переночевать в башне. В лучшей кровати, какая только сыскалась в Каэр Морхене. Хоть и предпочитала бы в самой скверной, но с Геральтом».

– Пошли, Трисс.

– Пошли.

Ветер постукивал ставнями, шевелил прикрывающие окно остатки траченного молью гобелена. Трисс в абсолютной тьме лежала на лучшей в Каэр Морхене кровати. И не могла уснуть. И дело было вовсе не в том, что лучшая в Каэр Морхене кровать оказалась древней развалюхой. Нет. Трисс усиленно размышляла. И все отгоняющие сон мысли крутились вокруг одного основного вопроса: почему и зачем ее вызвали в замок? С какой целью?

Болезнь Весемира – не более чем предлог. Весемир – ведьмак. То, что при этом он еще и столетний дед, не мешает многим молодцам завидовать его здоровью. Если б оказалось, что старца, допустим, пырнул жалом мантихор или покусал вурдалак, тогда Трисс еще могла бы поверить, что ее вызвали именно к нему. Но «ломота в костях»? Смех, да и только. «Ломота в костях» – не шибко оригинальное недомогание в чертовски холодных стенах Каэр Морхена. Весемир вылечился бы ведьмачьим эликсиром или – еще проще – крепким ржаным самогоном внутрь и наружно в равных пропорциях. Ему не понадобилась бы чародейка с заклинаниями, фильтрами и амулетами.

Так кто же ее вызвал? Геральт?

Трисс ворочалась в постели, чувствуя волны накатывающего тепла. И возбуждения, усиленного злостью. Тихо выругалась, ударила кулаком по перине, перевернулась на бок. Древнее ложе заскрипело. «Я не владею собой, – подумала она. – Веду себя словно глупая девчонка. Или того хуже – как недоласканная старая дева. Не могу даже логично мыслить».

Она снова выругалась.

«Конечно же, не Геральт. Без эмоций, девица, без эмоций. Вспомни его мину там, в конюшне. Ты уже видывала такие мины, девочка, видела, не обманывай себя. Глупые, покаянные, растерянные мины мужчин, которые хотят забыть, которые сожалеют, которые не желают помнить случившегося, не хотят возвращаться к тому, что было. О боги, иначе не бывает. И ты это знаешь. Ведь у тебя солидный опыт, малышка».

Что касается эротической стороны жизни, то тут Трисс имела право считать себя типичной чародейкой. Началось все с кислого вкуса запретного плода, особо привлекательного из-за суровых правил академии и строжайших наказов преподавательницы, у которой она проходила практику. Потом наступила самостоятельность, свобода и неупорядоченные связи, закончившиеся, как обычно бывает, горечью, разочарованием и воздержанием. Начался долгий период одиночества и, наконец, открытие, что для снятия стрессов и напряжений вовсе не так уж и необходим человек, желающий считать себя твоим господином сразу после того, как перевернется на спину и смахнет пот со лба. Что для успокоения нервов имеются менее хлопотные методы, которые, ко всему прочему, не пачкают полотенца кровью, не пускают под одеялом ветров и не требуют завтрака. Затем пришел краткий и забавный период удовлетворенности собственным полом, закончившийся выводом, что пачканье, ветры и обжорство свойственны отнюдь не только мужчинам. Наконец, как все без малого магички, Трисс перешла на приключения с другими чародеями, спорадические и нервирующие своим холодным, техничным и, как правило, ритуальным протеканием.

И тогда появился Геральт из Ривии. Ведущий беспокойную жизнь ведьмак, связанный странными, беспокойными и бурными отношениями с Йеннифэр, ее сердечной подругой.

Трисс наблюдала за обоими и завидовала, хоть, казалось, завидовать-то было нечему. Связь явственно приносила несчастье обоим, ведя напрямую к истощению, была болезненной и... вопреки всякой логике продолжалась. Трисс этого не понимала. И ее это интриговало. Интриговало до такой степени, что...

Она соблазнила ведьмака, почти не пользуясь магией. Просто подоспело удачное время, момент, когда они с Йеннифэр в очередной раз осточертели друг другу и бурно расстались. Геральту требовалось тепло, и он хотел забыть обо всем.

Нет, Трисс не стремилась отнять его у Йеннифэр. По сути, подруга была ей нужнее, чем он. Но краткая связь с ведьмаком не разочаровала ее. Она нашла то, что искала, – чувство вины, страха и боли. Его боли. Трисс видела проявление этих эмоций, они ее будоражили, и она не смогла о них забыть, когда пришло время расстаться. А что такое своя боль, поняла недавно. В тот момент, когда неодолимо возжелала снова быть с ним. Ненадолго, на мгновение, но быть.

А теперь он так близко...

Трисс сжала пальцы в кулак и принялась колотить по подушке. «Нет, – подумала она, – не будь дурочкой, малышка. Не думай об этом. Думай о...»

О Цири? Неужели...

Да, вот истинная причина ее визита в Каэр Морхен. Пепельноволосая девочка, из которой в замке хотят сделать ведьмака. Настоящую ведьмачку. Мутантку. Машину для убийства, такую, как они сами.

«Это ясно, – подумала она вдруг, снова чувствуя возбуждение, но теперь, однако, совершенно иного рода. – Это ясно. Они собираются мутировать ребенка, подвергнуть его Испытанию Травмами и Трансмутации, но не знают, с какого бока подступиться. Из стариков жив один Весемир, а Весемир всего лишь учитель фехтования. Скрытая в подземельях Каэр Морхена

лаборатория, покрытые пылью бутылки с легендарными эликсирами, печи, перегонные кубы и реторты... Никто не знает, как этим пользоваться. Потому что, совершенно ясно, мутагенные эликсиры разработал в незапамятные времена какой-то чародей-рenegат, а его наследники годами совершенствовали их, годами с помощью магии контролировали процесс трансмутации, которым подвергали детей. И однажды цепь прервалась. Не хватило магических знаний и способностей. У ведьмаков есть травы, лаборатория. Они знают рецептуру. Но у них нет чародея...

Как знать, – думала она, – может, и пытались? Давали детям декокты, приготовленные без участия магии?»

Она вздрогнула при мысли о том, что могло твориться с теми детьми.

«А теперь, – подумала она, – собираются мутировать девочку, но не знают как. А это может означать... Это может означать, что от меня ждут помощи. И я увижу то, чего не видел ни один ныне живущий чародей, познакомлюсь с тем, с чем ни один ныне живущий чародей не познакомился. Знаменитые травы, хранящиеся в величайшем секрете культуры вирусов, прославленные таинственные рецептуры...

И именно я поднесу пепельноволосому ребенку набор эликсиров, мне доведется наблюдать мутационные Изменения, собственными глазами видеть, как...

Как умирает пепельноволосое дитя.

О нет. – Трисс вздрогнула. – Никогда. Ни за что.

Впрочем, пожалуй, я раньше времени начинаю волноваться. Пожалуй, не в этом дело. За ужином мы беседовали, сплетничали о том о сем. Несколько раз я пыталась навести разговор на Дитя-Неожиданность. Впустую. Они тут же меняли тему.

Я наблюдала за ними. Весемир был сдержан и озабочен. Геральт неспокоен, Ламберт и Эскель неестественно веселы и болтливы, Койон естественен до неестественности. Искренна и открыта была только Цири, зарумянившаяся от мороза, растрепанная, счастливая и чертовски голодная. Они поедали похлебку с пряностями, густую от гренков и сыра, а Цири удивилась, что не подали грибочков. Они пили сидр, но девочка получила воду, чем была явно удивлена и разочарована. «Где салат?» – взвизгнула она вдруг, а Ламберт резко и укоризненно глянул на нее и велел снять локти со стола.

Грибочки и салат. В декабре?

Ясно, – подумала Трисс. – Ее кормят легендарными пещерными грибочками, неизвестной науке горной растительностью, поят знаменитыми напитками из таинственных трав. Девочка развивается быстро, набирается сатанинской, ведьмачьей кондиции. Естественным путем, без мутации, без риска, без гормональной революции. Но чародейке этого знать не положено. Для чародейки это секрет. Ничего они мне не скажут, ничего не покажут.

Я видела, как эта девчушка бегает. Видела, как она с мечом пляшет на бревне, ловкая и быстрая, полная прямо-таки кошачьей грации, двигается словно акробатка. Я должна, – подумала она, – обязательно должна ее увидеть раздетой, посмотреть, как она развивается под влиянием того, чем ее здесь пичкают. А вдруг да удастся выкрасть и вывезти пробы грибочков и салата? Ну, ну...

А доверие? Чихала я на ваше доверие, ведьмаки. В мире процветают рак, черная оспа, столбняк и белокровие, есть аллергия, есть синдром неожиданной смерти новорожденных. А вы укрываете от мира ваши грибочки, из которых, возможно, удалось бы дистиллировать спасающие жизнь лекарства. Держите в секрете даже от меня, перед которой похваляетесь дружбой, уважением и доверием. Даже я не могу увидеть не только лабораторию, но и задрипанные грибки!

Зачем же вы меня сюда притащили? Меня, чародейку?

Магия!»

Трисс захохотала.

«Ну, – подумала она, – вот я вас и поймала, ведьмаки! Цири нагнала на вас такого же страха, как и на меня. Погрузилась в сон наяву, начала вещать, прорицать, выдавать ауру, которую вы ощущаете почти так же хорошо, как и я. Безотчетно психокинетически схватила что-то или силой воли согнула оловянную ложку, уставившись на нее за обедом. Отвечала на вопросы, которые вы задавали мысленно, а может, и на те, что вы даже в мыслях боитесь себе задавать. И вас обуял страх. Вы сообразили, что ваша Неожиданность гораздо более неожиданна, чем вы могли подумать.

Вы сообразили, что приютили в Каэр Морхене Исток.

Что без чародейки вам не управиться.

А нет ни одной дружески к вам расположенной чародейки и ни одной, которой вы могли бы довериться. Кроме меня и...

И кроме Йеннифэр».

Ветер взвыл, захлопал ставнями, вздул гобелен. Трисс Меригольд перевернулась на спину, принялась задумчиво грызть ноготь большого пальца.

«Геральт не пригласил Йеннифэр. Пригласил меня. Так, может быть... Как знать. Возможно. Но если все так, как я думаю, то почему...

Почему?..»

– Почему ты не пришел сюда, ко мне? – тихо крикнула она в темень. Возбужденно и зло. Ей ответил ветер, завывающий в руинах.

Утро было солнечное, но чертовски холодное. Трисс проснулась замерзшая, невыспавшаяся, но успокоенная и решившаяся.

В холл она спустилась последней. С удовлетворением встретила взгляды, награждавшие ее усилия, – дорожную одежду она сменила на простое, но эффектное платье, умело воспользовалась магическими ароматизаторами и немагической, но дьявольски дорогой косметикой. Трисс ела овсянку, перебрасываясь с ведьмаками малозначительными и банальными фразами.

– Опять вода? – вдруг заворчала Цири, заглянув в кубок. – У меня от воды зубы болят! Я хочу соку! Того, голубого!

– Не сутулься, – сказал Ламберт, краешком глаза глянув на Трисс. – И не утирайся рукавом! Кончай есть, пора на занятия. Дни все короче.

– Геральт. – Трисс покончила с овсянкой. – Вчера Цири упала на Пути. Ничего страшного, виной ее шутовская одежда. Все это подогнано отвратительно, вернее, не подогнано вовсе и мешает ей двигаться.

Весемир кашлянул, отвел глаза. «Так, – подумала чародейка, – значит, это твоя работа, Мастер меча. Факт, похоже, кафтанчик скроен мечом, а сшит наконечником стрелы».

– Дни, и верно, все короче, – начала она, не дождавшись комментариев. – Но сегодняшний мы сократим еще больше. Ты кончила, Цири? Пошли со мной. Сделаем необходимые поправки в твоём обмундировании.

– Она бегает в нем уже год, Меригольд, – зло бросил Ламберт. – И все было в порядке, пока...

– ...пока не явилась баба, которая не может видеть немодную и плохо сидящую одежду? Ты прав, Ламберт. Но баба явилась – и порядок рухнул, пришло время великих перемен. Идем, Цири.

Девочка замаялась, взглянула на Геральта. Геральт кивнул, улыбнулся. Хорошо. Так, как умел улыбаться раньше, когда...

Трисс отвела глаза. Улыбка предназначалась не ей.

Комната Цири была точной копией жилищ ведьмаков. Как и у них, здесь не было практически ничего, кроме сколоченной из досок лежанки, табурета и сундучка. Стены и двери своих

жилищ ведьмаки украшали шкурами забитых на охоте зверей – оленей, рысей, даже росомах. На дверях же комнатки Цири висела шкура гигантской крысы с отвратительным чешуйчатым хвостом. Трисс поборола в себе желание сорвать вонючую гадость и выкинуть в окно.

Девочка, стоя около лежанки, выжидающе смотрела на нее.

– Попытаемся, – сказала чародейка, – слегка подправить твой... балахон. Мне всегда удавались кройка и шитье, думаю, управлюсь и с этой козловой шкурой. А ты, ведьмачка, когда-нибудь держала в руке иглу? Тебя научили хоть чему-то сверх того, чтобы дырявить мечом мешки с сеном?

– Когда я была в Заречье, в Кагене, приходилось прясть, – неохотно буркнула Цири. – Шить мне не позволяли, потому что я только портила лен и напрасно тратила нитки. После меня все надо было распарывать. Ужасненько скучная эта штука – прядение, ой-ёй!

– Факт, – захохотала Трисс. – Скучнее не придумаешь. Я тоже не люблю прясть.

– А приходилось? Мне да, потому как... Но ты же чаров... Чародейка. Ты же можешь все выколдовать! А свое красивое платье... ты его... выколдовала?

– Нет, – улыбнулась Трисс. – Но и не сама сшила. Не настолько уж я способная.

– А как ты сделаешь мне одежду? Волшебством?

– Зачем? Достаточно магической иглы, которой мы с помощью заклинаний добавим немного прыти, а если понадобится...

Трисс медленно провела рукой по обведенной бахромой дырке на рукаве курточки, пробормотала заклинание, одновременно активируя амулет. От дырки не осталось и следа. Цири запищала от восторга:

– Это волшебство! Теперь у меня будет волшебная курточка! Хо!

– Пока не сошью нормальной, но приличной. Ну а теперь снимай все, девочка моя, переоденешься в другое. Надеюсь, это не единственная твоя одежда?

Цири покачала головой, приподняла крышку сундучка, показала вылинявшее просторное платье, серо-голубой кафтанчик, льняную рубашку и шерстяную блузку, напоминающую хламиду.

– Это мое, – сказала она. – В этом я сюда приехала. Но теперь не ношу. Бабы шмотки.

– Понятно, – насмешливо поморщилась Трисс. – Бабы не бабы, а пока придется надеть. Ну, живей раздевайся. Дай-ка я помогу... Ё-моё! Это что такое?

Руки девочки были покрыты огромными, налитыми кровью синяками. Многие уже пожелтели, некоторые были совсем свежими.

– Это еще что, черт возьми? – зло повторила волшебница. – Кто тебя так отделал?

– Это? – Цири глянула на руки, словно была удивлена количеством синяков. – Ах это... Ветряк. Очень медленно работала.

– Что за ветряк? Говори толком!

– Ну ветряк, – повторила Цири, поднимая на волшебницу свои огромные глаза. – Ну такой... Ну... Я на нем учусь вывертываться при нападении. У него такие лапы из палок, и он крутится и размахивает этими лапами. Надо очень быстро прыгать и уворачиваться. Надо выработать... лефрекс. Ежели нет лефрекса, то ветряк хватает тебя палкой. Вначале этот ветряк ужасненько поколачивал. Ну а теперь-то...

– Снимай штанишки и рубаху. О боги! Дева! Как ты вообще можешь ходить? Бегать?

Оба бедра и ляжки были черно-синими от кровоподтеков и припухлостей. Цири вздрогнула и зашипела, пытаясь от волшебницы. Трисс выругалась по-краснолюдски. Хуже некуда.

– Тоже ветряк? – спросила она, пытаясь сохранять спокойствие.

– Это? Нет. Вот это ветряк. – Цири равнодушно указала на роскошный синяк пониже левого колена. – А эти – другие... Это маятник. На маятнике я отрабатываю шаги с мечом. Геральт говорит, что я уже в норме... На маятнике. Говорит, у меня есть это... ну... Чутье. Вот – чутье есть.

– А если не хватит чутья, – скрежетнула зубами Трисс, – тогда, полагаю, маятник тебя саданет?

– Обязательно, – поддакнула девочка, глядя на чародейку и явно насмехаясь над ее неведением. – Еще как саданет-то!

– А здесь? На боку? Это что было? Кузнечный молот?

Цири зашипела от боли и покраснела.

– С гребенки свалилась...

– ...и гребенка по тебе саданула, – закончила Трисс. Ей было все труднее сдерживаться.

– Ну как же гребенка может садануть, – фыркнула Цири, – если она вкопана в землю? Не может! Я просто упала. Училась делать пируэт в подскоке, и у меня не вышло. Вот и синяк. Потому что ударились о столбик.

– И лежала два дня? И дышать было трудно? Болит?

– И вовсе нет. Койон размассировал меня и снова посадил на гребенку. Так надо, понимаешь? Иначе испугаешься навсегда.

– Что-что?

– Испугаешься навсегда, – гордо повторила Цири, отбрасывая со лба пепельную челку. – Не знаешь? Даже если с тобой что-то случится, надо все равно сразу же возвращаться на снаряд, иначе станешь трусить, а если будешь трусить, то фига с два у тебя получится. Нельзя отказываться от тренировки. Так сказал Геральт.

– Надо будет запомнить, – процедила волшебница. – Да и то, что автор – Геральт. Недурственный рецепт на жизнь, только я не уверена, годится ли он при любых обстоятельствах. Но его довольно легко реализовать за чужой счет. Итак, отказываться нельзя. Даже если тебя повалят на землю и примутся колотить как только могут, ты должна встать и продолжать тренировки. Иначе... фига с два?

– Конечно. Ведьмак не боится ничего.

– Серьезно? А ты, Цири? Тоже ничего не боишься? Отвечай честно.

Девочка отвернулась, закусил губу.

– Никому не скажешь?

– Не скажу.

– Больше всего я боюсь двух маятников. Двух сразу. И ветряка, но только когда его запускают с большой скоростью. И еще есть такая длинная жердь. На нее-то я все еще должна лазить с этим, как его, страхом... не, страховкой. Ламберт говорит, что я растяпа и недотепа, но это вовсе не так. Геральт мне сказал, что у меня немного в другом месте центр тяги... не, тяжести, потому что я девочка. Просто надо больше заниматься, разве что... Я хотела тебя о чем-то спросить. Можно?

– Можно.

– Если ты разбираешься в магии и заклинаниях... Если можешь волшебствовать... Ты можешь сделать так, чтобы я стала мальчишкой?

– Нет, – ответила Трисс ледяным голосом. – Не могу.

– Хм... – явно опечалилась юная ведьмачка. – А не можешь хотя бы...

– Хотя бы что?

– Ну, не можешь ли ты сделать так, чтобы мне не приходилось... – Цири залилась румянцем. – Давай на ушко скажу.

– Говори, – наклонилась Трисс. – Слушаю.

Цири, покраснев еще сильнее, приблизила губы к каштановым волосам чародейки.

Трисс быстро выпрямилась, глаза у нее запылали.

– Сегодня? Сейчас?

– Угу.

– Затраханые мудаки! – рявкнула чародейка и пнула табурет так, что тот врезался в дверь, сбив с нее крысиную шкуру. – Зараза, мор, чума и проказа! Убью проклятых кретинов!!!

* * *

– Успокойся, Меригольд, – сказал Ламберт. – Волноваться вредно и, главное, нет причин.

– Не учи меня! И перестань называть «Меригольд»! А еще лучше, если вообще замолчишь. Я не с тобой говорю. Весемир, Геральт, кто-нибудь из вас видел, как вы отделали ребенка? У нее на теле живого местечка нет!

– Дитя, – серьезно сказал Весемир. – Не позволяй эмоциям овладеть тобой. Ты была воспитана иначе, видела, как детей воспитывают по-другому. Родина Цири – Юг, там девочек и мальчиков воспитывают совершенно одинаково, никакой разницы, как у эльфов. На пони ее посадили, когда ей было пять лет от роду, а когда стукнуло восемь – она уже ездила на охоту. Ее учили пользоваться луком, копьем и мечом. Синяки для Цири – не новость...

– Не рассказывайте мне баек, – возмутилась Трисс. – Не прикидывайтесь идиотами. Здесь – не пони, не прогулки и не катание на санках. Здесь Каэр Морхен! На ваших ветряках и маятниках, на вашей Мучильне поломали кости и свернули шеи десятки мальчиков, закаленных и испытанных жизнью бродяг, подобных вам, которых вы собирали по большакам и вытаскивали из канав. Жилистых, битых жизнью сорванцов и гуляк. А какие шансы у Цири? Даже воспитанная на Юге, даже по-эльфьему, даже такой гром-бабой, как Львица Калантэ, эта малышка по-прежнему была и остается княжной. Нежная кожа, изящное сложение, легкий костяк... Это девочка! Кого вы намерены из нее сотворить? Ведьмака?

– Эта девочка, – тихо и спокойно проговорил Геральт, – эта нежная маленькая княжна пережила бойню в Цинтре. Предоставленная самой себе, она пробралась сквозь когорты Нильфгаарда. Ухитрилась избежать рыскающих по селам мародеров, которые грабили и уничтожали все живое. Продержалась две недели в лесах Заречья совершенно одна. Месяц бродила с кучкой беженцев, тяжело вкалывала наравне со всеми и наравне со всеми голодала. Почти полгода батрачила в деревне, когда ее приютила семья кметов. Поверь, Трисс, жизнь научила ее и закалила не хуже, чем подобных нам бродяг, собранных в Каэр Морхене с большаков и из канав. Цири не слабее подобных нам, нежеланных, незаконнорожденных, подкинутых ведьмакам в корчмах, словно котят в ивовых корзинках. А то, что она девочка... Какое это имеет значение?

– И ты еще спрашиваешь? Смеешь спрашивать? – крикнула чародейка. – Какое это имеет значение? А такое, что девочка, не будучи подобна вам, имеет свои собственные дни! И с большим трудом это переносит! А вы хотите, чтобы она выbleвывала свои легкие на Мучильне и каких-то идиотских ветряках!

Хоть Трисс и была чертовски зла, но почувствовала огромное удовлетворение при виде поглупевших физиономий молодых ведьмаков и вдруг отвисшей челюсти Весемира.

– Вы даже не знали, – покачала она головой уже спокойно, но с мягким укором. – Тоже мне – опекуны! Девочка стесняется говорить об этом, потому что ее научили о таких неприятностях мужчинам не говорить. И стыдится слабости, боли, того, что она не такая ловкая, как обычно. Хоть кто-нибудь из вас подумал об этом? Заинтересовался? Попробовал догадаться, что ей мешает? А может, она впервые в жизни закровоточила у вас, здесь, в Каэр Морхене? И плакала по ночам, ни у кого не находя сочувствия, даже просто понимания? Хоть кто-нибудь из вас вообще об этом подумал?

– Прекрати, Трисс, – тихо охнул Геральт. – Достаточно. Ты добила, чего хотела. А может, и больше, чем хотела.

– Пропади все пропадом, – выругался Койон. – Хороши ж мы были, ничего не скажешь. Эх, Весемир, но ты-то...

– Замолчи, – буркнул старый ведьмак. – Ничего не говори.

Совершенно неожиданно повел себя Эскель, который встал, подошел к чародейке, низко поклонился, взял ее руку и уважительно поцеловал. Она быстро отдернула руку. Не для того чтобы продемонстрировать злобу и раздражение, а чтобы прервать приятную, пронзившую ее вибрацию, вызванную прикосновением ведьмака. Эскель эманировал сильно. Сильнее, чем Геральт.

– Трисс, – сказал он, озабоченно потирая чудовищный шрам на щеке. – Помоги нам. Просим. Помоги нам, Трисс.

Чародейка глянула ему в глаза, сжала губы.

– В чем? В чем я должна помочь, Эскель?

Эскель снова потер шрам, взглянул на Геральта. Беловолосый ведьмак наклонил голову, прикрыл глаза рукой. Весемир громко откашлялся.

В этот момент скрипнула дверь, и в холл вошла Цири. Кашель Весемира перешел во что-то вроде хриплого, громкого вздоха. Ламберт раскрыл рот. Трисс сдержала смех.

Цири, подстриженная и причесанная, шла к ним мелкими шажочками, осторожно придерживая темно-голубое платьице, подрезанное снизу и подогнанное по фигурке, но еще несущее на себе следы перевозки во вьюках. На шее девочки поблескивал второй презент от чародейки – черная змейка из лаковой кожи с рубиновым глазком и золотой застежкой.

Цири задержалась перед Весемиром. Не очень зная, что делать с руками, засунула большие пальцы за пояс.

– Я не могу сегодня тренироваться, – медленно и четко проговорила она в абсолютной тишине, – потому что я... я... – Она взглянула на чародейку. Трисс подмигнула ей, скорчив рожицу, как довольный озорством сорванец, пошевелила губами, подсказывая выученную причину. – Я... мне... нездоровится, – закончила Цири громко и гордо, задрав нос чуть не до бревенчатого потолка.

Весемир снова раскашлялся. Но Эскель, милый Эскель, не потерял головы и опять повел себя так, как и положено.

– Конечно, – сказал он, улыбнувшись. – Это понятно и очевидно. Мы отложим обучение до тех пор, пока ты... пока тебе не перестанет... нездоровиться. Теоретические занятия тоже сократим, а если ты почувствуешь себя плохо, то и вовсе отменим. Если тебе понадобятся медикаменты либо...

– Этим займусь я, – вмешалась Трисс, тоже улыбнувшись. Легко и свободно.

– Да... – Только теперь Цири слегка зарумянилась и взглянула на старого ведьмака. – Дядя Весемир, я попросила Трисс... То есть госпожу Меригольд, чтобы... Потому что... Ну, чтобы она осталась с нами. Подольше. Долго. Но Трисс сказала, что ты должен дать на это согласие или как-то так... Дядя Весемир! Согласись!

– Соглашайся... – прокашлялся Весемир. – Конечно, соглашайся!

– Мы ужасно рады. – Только теперь Геральт отнял руку ото лба. – Нам ужасно приятно, Трисс.

– Ужасненько, – пискнула Цири.

Чародейка слегка кивнула Цири и невинно взмахнула ресницами, накручивая на палец каштановый локон. У Геральта было каменное лицо.

– Ты очень правильно и тактично поступила, Цири, – сказал он, – предложив госпоже Меригольд подольше погостить в Каэр Морхене. Я горжусь тобой, Цири.

Цири покраснела, широко улыбнулась. Чародейка подала ей следующий условный знак.

– А теперь, господа, – сказала девочка, еще выше задирая нос, – оставляю вас одних, потому как вы наверняка желаете обсудить с Трисс различные важные проблемы. Госпожа Меригольд, дядя Весемир, милостивые государи... Я прощаюсь. Временно.

Она грациозно присела и вышла из холла, медленно и с достоинством ступая по лестнице.

– Дьявольщина, – прервал тишину Ламберт. – Подумать только, а я не верил, что она и вправду княжна.

– Поняли, обалдуи? – Весемир осмотрелся. – Если утром она натянет платице... И чтобы мне никаких тренировок... Ясно?

Эскель и Койон окинули старика взглядами, лишенными даже признаков почтения. Ламберт открыто фыркнул. Геральт смотрел на чародейку. Она улыбалась.

– Условия? – явно обеспокоился Эскель. – Трисс, мы же поклялись, что облегчим Цири тренировки. Какие тебе еще нужны условия?

– Ну, условия, пожалуй, не самое удачное слово. Назовем это советами. Я дам вам три совета, и вы будете им строго следовать. Если, конечно, вам важно, чтобы я осталась и помогла воспитывать малышку.

– Слушаем, – сказал Геральт. – Говори, Трисс.

– Прежде всего, – начала она, насмешливо улыбаясь, – необходимо разнообразить меню Цири. В особенности ограничить присутствие в нем секретных грибочков и таинственной зелени.

Геральт и Койон владели собой прекрасно. Ламберт и Эскель немного хуже. Весемир не владел вообще. «Ну что ж, – подумала Трисс, глядя на его смешно обеспокоенную мину, – в его времена мир был лучше. Лицемерие считалось пороком, которого надлежало стыдиться. Искренность не осуждалась».

– Меньше отваров из малоизвестных трав, – продолжала она, стараясь сдержать смех, – а больше молока. У вас есть козы. Доеение никакое не искусство, увидишь, Ламберт, научишься мгновенно.

– Трисс, – начал Геральт, – послушай...

– Нет, ты послушай. Вы не подвергали Цири резкой мутации, не затрагивали гормонов, не пробовали эликсиры и травы. И за это вам хвала. Это было разумно, по-человечески. Вы пока что не нанесли ей вреда ядами, тем более нельзя ее калечить теперь.

– О чем это ты?

– Грибочки, секреты которых вы так оберегаете, – пояснила она, – действительно сохраняют девочку в прекрасной форме и укрепляют мышцы. Травы гарантируют идеальный обмен веществ и ускоряют развитие. Однако все, вместе взятое, дополненное тренировками, приводит к определенным изменениям в строении тела. В жировой ткани. Цири – женщина. Если вы не калечили ее гормонально, то не калечьте физически. Когда-нибудь она может обидеться на вас за то, что вы так безжалостно лишили ее женских... атрибутов. Вы понимаете, о чем я?

– А как же, – буркнул Ламберт, бесстыже рассматривая бюст Трисс, натягивающий ткань платья. Эскель кашлянул и испепелил юного ведьмака взглядом.

– Пока что, – медленно проговорил Геральт, тоже стрельнув глазами, – ты, надеюсь, не обнаружила в ней ничего необратимого?

– Нет, – улыбнулась она. – К счастью, нет. Она развивается нормальной и здоровой, сложена как юная дриада, приятно смотреть. Но, пожалуйста, соблюдайте умеренность в использовании ускорителей.

– Будем соблюдать, – пообещал Весемир. – Благодарим за предупреждение, дитя. Что еще? Ты говорила о трех... советах.

– Именно. Вот второй: нельзя допустить, чтобы Цири здесь одичала. Ей необходим контакт с миром. С ровесниками. Она должна получить приличное образование и подготовиться к нормальной жизни. Пока пусть себе размахивает мечом. Без мутации ведьмачка из нее все равно не получится, но ведьмачья тренировка ей не повредит. Времена сейчас трудные и опасные, сумеет защититься, если понадобится. Как эльфка. Но вы не имеете права похоронить ее тут, в вашей глухомани. Она должна приобщиться к нормальной жизни.

– Ее нормальная жизнь сгорела вместе с Цинтрой, – проворчал Геральт. – Однако, Трисс, ты, как всегда, права. Мы уже думали об этом. Придет весна, отвезу ее в храмовую школу к Нэннеке, в Элландер.

– Очень удачная мысль и мудрое решение. Нэннеке – исключительная женщина, а храм богини Мелитэле – исключительное место. Безопасное, верное, гарантирующее необходимое девочке воспитание. Цири знает?

– Знает. Скандалила несколько дней, но в конце концов приняла к сведению. Сейчас даже с нетерпением ждет весны, ее подбадривает перспектива поездки в Темерию. Интересует окружающий мир.

– Как и меня в ее возрасте, – улыбнулась Трисс. – И это сравнение опасно приближает нас к третьему совету. Самому важному. И вы знаете какому. Не делайте глупых мин. Я – чародейка, забыли? Не знаю, сколько времени вам потребовалось на то, чтобы распознать магические способности Цири. Мне – не больше получаса, и я уже поняла, кого, вернее, что представляет собою девочка.

– И что же?

– Исток!

– Невероятно!

– Вероятно! Даже наверняка. Цири – Исток, у нее медиумические способности. Больше того, эти способности вызывают опасение. Только и исключительно поэтому вы притащили меня в Каэр Морхен, верно? Я права? Только и исключительно поэтому?

– Да, – после недолгого молчания подтвердил Весемир.

Трисс незаметно с облегчением вздохнула. Она опасалась, что подтвердит Геральт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.